

18+

ВАДИМ ШАРАПОВ

ЧЕРНАЯ КРОВЬ МАРСА

Вадим Шарапов

Черная кровь Марса

«Издательские решения»

Шарапов В. В.

Черная кровь Марса / В. В. Шарапов — «Издательские решения»,

В мире, где Россия стала ведущей космической державой, освоение Марса — стратегическая задача. Когда-то советские фантасты писали о том, что космос — это не только технологии и производство, но и тайна. Новый фронтир хранит неизведанное и нечеловеческое, а цена за прикосновение к нему может оказаться невероятно высокой. Это история о цене выбора и о том, что за пределами Земли человек остается человеком, со всеми его слабостями и силой.

© Шарапов В. В.

© Издательские решения

Содержание

Вадим ШАРАПОВ	6
БЛАГОДАРНОСТИ	7
ПРОЛОГ	8
ГЛАВА 1. ПОЛЕТ	9
ГЛАВА 2. БАЗА «КОРОЛЕВ»	21
ГЛАВА 3. ЦИФРОВОЙ СЛЕД	37
ГЛАВА 4. ГОЛОС БЕЗДНЫ	46
ГЛАВА 5. ТЕНИ ПРОШЛОГО	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Черная кровь Марса

Вадим Викторович Шарапов

© Вадим Викторович Шарапов, 2026

ISBN 978-5-0070-9568-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вадим ШАРАПОВ

ЧЕРНАЯ КРОВЬ МАРСА

В мире, где Россия стала ведущей космической державой, освоение Марса — стратегическая задача. Когда-то советские фантасты писали о том, что космос — это не только технологии и производство, но и тайна. Новый фронтир хранит неизведанное и нечеловеческое, а цена за прикосновение к нему может оказаться невероятно высокой. Это история о цене выбора и о том, что за пределами Земли человек остается человеком, со всеми его слабостями и силой.

БЛАГОДАРНОСТИ

- Главная и огромная благодарность — моему другу Максиму Шинкареву. Человеку, который, во-первых, убедил меня поверить в свои силы и вообще взяться за этот роман; во-вторых, стал вдумчивым и придирчивым читателем и критиком каждой главы, кропотливо вникая во все мелочи и детали. И, наконец (это самое важное!), — оказал неоценимую помощь полезнейшими советами, а также профессиональными консультациями в области нефтегазодобычи, существенно обогатив мои скудные знания. Все, что вы прочитаете здесь, связанное с нефтью и ее добычей — заслуга Макса, а я только перенес это на бумагу. Спасибо за дружбу, долгие беседы и неизменное гостеприимство. В общем, спасибо за все, брат! Мы справились.

- Спасибо моей жене Радомире, которая каждый раз, когда я опускал руки и не знал, что делать, говорила мне: «Пиши! Ты самый талантливый!» — и ставила передо мной кружку с чаем. Люблю тебя.

- И спасибо моим кошкам — за то, что не дают забывать, кто должен зарабатывать им на корм.

Все ляпы и ошибки в тексте — только моя вина.

ПРОЛОГ

Звезды исчезали не сразу. Сначала они тускнели, будто попадая в туман. Только этот туман был черным, как будто по небосводу расплзлось пятно от пролитых чернил. Непроглядно черным, не материей, а отсутствием всякой материи, полным поглощением света. Это выглядело ужасающе. Но ужасаться было некому.

На планете, лежащей внизу, за расплзающимся пятном следила только одна пара глаз, которые не были человеческими. До появления человека разумного оставалось почти четыре миллиарда лет, и появиться он должен был не на этой планете, четвертой от местного светила. Существо, которому принадлежали глаза, глядящие сейчас в небо, просчитывало варианты с холодным спокойствием. Вероятности будущего прорастали боковыми ветвями от ствола реальности, бесконечно ветвились, пересекаясь и снова отрастая, образовывали новые реальности, которые накладывались одна на другую.

Вот оно.

Существо остановило мысленные расчеты. Один из вариантов реальности выступил вперед. Остальные, размываясь и тускнея, исчезали, растворяясь в пустоте. Оставшийся вариант превратился в многомерную решетку, в узлах которой подрагивали ключевые возможности, подчиняющиеся невероятно сложному прогнозированию, балансировавшему на грани пророчеств и магии. Существо продолжало изучать структуру, которая теперь свернулась в декеракт, многомерный гиперкуб, вложенный в другой декеракт, и так до бесконечности. Наблюдатель, обитающий в привычном нам трехмерном пространстве, тратил последние силы своего предвидения, чтобы охватить невероятное множество точек и плоскостей, каждая из которых в свою очередь открывала другие. Вариант реальности отказывался покоряться: слишком много было неизвестных переменных.

Но среди них была одна, которая все время оставалась неизменной, указывая на третью планету, вращающуюся вокруг светила.

Существо опустило голову и отвернулось от почти почерневшего неба. На поверхности планеты не было никого. Умиравшая цивилизация почти прекратила свое существование, отчаявшись бороться, и теперь только горстка огоньков горела на карте — там, где раньше их были миллиарды. Убежище ожидало последнего, чтобы замкнуться в недостижимости. Теперь оставалось только ждать.

Планета, которую когда-то назовут Марс, погрузилась в крошечную тьму.

ГЛАВА 1. ПОЛЕТ

«К середине XXII века межпланетные перелеты перестали быть уделом избранных. Балкеры типа „Енисей“ стали „рабочими лошадками“ Солнечной системы, перевозя грузы и людей по отработанным трассам. Путь до Марса сократился до полутора месяцев, хотя комфорт пассажиров, которые теперь ушли на второй план, неизбежно приносился в жертву полезной нагрузке. Грузовая рентабельность определяла все: тесноту пассажирских отсеков, рационы питания и минимум развлечений. Такова была цена за освоение красной планеты».

(Из справочника «Российская космическая экспансия: от Циолковского до Марса», том III, глава 12 «Эра тяжеловозов»).

1

Корабль назывался «Витязь», и это имя ему отлично подходило, несмотря на общую потрепанность. Витязь и есть — кряжистый, сильный, готовый пробиваться сквозь космос, стойко принимая на свою броню удары микрометеоритов.

Наверно, так бы написал какой-нибудь восторженный школьник в своем сочинении. Но на самом деле все было проще и куда прозаичнее. «Витязь» был балкером типа «Енисей» — по классификации Реестра космофлота России «грузопассажирский корабль внутрисистемной навигации» второго поколения, сошедший со стапелей орбитальной верфи «Королев-12» двадцать один год назад. Реестр реестром, а по меркам междупланетников — ветеран, прошедший огонь, воду и пояс астероидов. Его собратья, «Иртыш» и «Ангара», давно стояли на вечном приколе в музеях космонавтики, систершип «Лена» был переоборудован в орбитальный док, но «Витязь» все еще бегал по трассе Земля-Марс, перевозя сменные экипажи, буровое оборудование, и подхватывая цистерны с драгоценной марсианской нефтью на обратном пути.

Конструкция балкера напоминала гигантскую гантель: в носовой части располагался жилой модуль — три палубы, усилиями сумрачного инженерного гения российских конструкторов втиснутые в титановую сферу диаметром пятьдесят метров. За ней, на длинной ажурной конструкции, крепились грузовые контейнеры — сейчас они были набиты ящиками с запчастями для буровой «Кольская-М», герметичными баками с биодобавками для оранжереи и научным оборудованием. В кормовой части, за толстым слоем радиационной защиты, находился реакторный отсек с двумя ядерными двигателями «Импульс-М» — теми самыми, что позволяли сократить путь до Марса до полутора месяцев.

Корабль не раз перестраивали. Первоначальный проект предусматривал экипаж из четырех человек и пассажировместимость до тридцати. Но после модернизации 2137 года жилые отсеки уплотнили, уменьшив размер кают и снизив пассажирскую квоту до восемнадцати. За это «Витязь» терпеть не могли пассажиры, которые чувствовали себя селедками в консервной банке. И обожали логисты: еще бы, «модернизированно-оптимизированный» балкер брал больше груза, чем любой другой корабль своего класса, а на трассе Земля-Марс, где каждый килограмм полезной нагрузки стоил бешеных денег, это ценилось превыше комфорта. «Эх, логистика, бессердечная ты тварь!» — любил приговаривать начальник Роскосмогруза Кирилл Ширяев.

Артем Новиков в силу своей молодости и общей неприхотливости, никаких особых неудобств не чувствовал. И все-таки, проходя по центральному коридору жилой сферы, он каждый раз машинально отмечал следы возраста судна. Типовые пластиковые панели на стенах были потерты тысячами прикосновений, так что почти утратили изначальный сливочный цвет. Повсюду бросались в глаза бесчисленные царапины от контейнеров с оборудованием, которые таскали в тесноте. На одной из панелей рядом с кают-компанией (она же просто кора-

бельная столовая, но экипаж очень гордился «морскими традициями», потому что «Космофлот — тоже флот!» — и на всех, кто называл столовую столовой, поглядывал с презрением, как на сухопутных, рожденных ползать) кто-то написал маркером: «Здесь был Колян, 2139. Марс — это вам не Сочи!». Рядом — более свежая надпись: «Колян, ты дурак. Это даже не Норильск. Матвеев, 2141». И ниже, совсем мелко: «Матвеев, сам дурак. Зато какая красота! Аня, 2142». Эти каракули, пережившие множество генеральных уборок, оставленные людьми, которые летели на Марс работать, рисковать, а потом возвращаться домой, создавали странное ощущение сопричастности. Артем подумал, что, возможно, и сам оставит здесь какую-нибудь запись, когда полетит обратно. Если полетит. Всякое может случиться. Он помотал головой, фыркнул и выкинул ненужные мысли из головы.

Кают-компания, куда собрали всех пассажиров, была тесной — она была рассчитана на питание в две смены, а сейчас сюда набилось почти полтора десятка человек. Неудобные пластиковые кресла, привинченные к полу, стояли почти вплотную друг к другу, оставляя мало места, чтобы втиснуться за исцарапанные откидные столики, густо покрытые выцветшими наклейками самого разнообразного содержания. В углу приткнулся небольшой универсальный пищевой автомат, который, судя по звукам, доживал последние дни: он периодически издавал протяжный скрежет, а при заказе, если потыкать в кнопки, с утробным стоном выплевывал пластиковый контейнер с надписью «Борщ. ГОСТ 2141» или «Макароны по-флотски. ГОСТ 2132—1». Все было одинаково невкусно, хоть и питательно.

Автоматическая дверь в кают-компанию открывалась с характерным шипением и лязгом — пневмопривод давно требовал замены, но в график ремонта его никак не могли включить. Каждый раз, когда кто-то входил или выходил, дверь издавала такой звук, будто по металлу проводили напильником. К этому привыкли, и даже невольно настораживались, если вдруг случалось маленькое чудо, и дверь открывалась без шума. «В тесноте, да не в обиде», — пожимали плечами старожилы балкерных рейсов, и сам Артем, вспоминая свои вахты на арктических платформах, где личное пространство тоже измерялось кубическими сантиметрами, находил в этой тесноте что-то родное, почти домашнее.

2

Артем Новиков родился и вырос в стране, которую на уроках истории в школе называли «Российской Федерацией — наследницей великих свершений Советского Союза». Название звучало впечатляюще, но для юного Артема эта страна была просто Родиной — огромной, сильной, и, конечно, самой лучшей. Из учебников Новиков, конечно, знал, что в конце двадцатого века Советский Союз едва не распался на осколки, буквально прошел по лезвию бритвы, невероятными усилиями избежав хаоса межнациональных войн. А потом трансформировался — плавно эволюционировал, без крови и потрясений, сохранив территориальную целостность и перераспределив полномочия между центром и республиками. Сепаратистские настроения, вспыхнувшие было в конце восьмидесятых, были подавлены не танками, а политикой грамотных экономических реформ и контролируемой автономии, хотя кое-где руководству страны пришлось проявить жесткость. Россия сохранила статус сверхдержавы и упрочила его, не ввязываясь в изнурительную гонку вооружений, но и не позволяя никому диктовать себе условия. Мир стал многополярным. Но в этом новом мире голос Москвы звучал весомо.

Экономика, основанная на принципах развитого социализма, — настоящего, а не болтовни с высоких трибун, эффективного, когда ценность человека определялась его способностями и трудом, а не толщиной кошелька, — эта экономика позволила вложить колоссальные ресурсы в освоение Сибири, Дальнего Востока и Арктики. Новые города, построенные с нуля, стали жемчужинами, нанизанными на нитку Северного морского пути. Транспортная инфраструктура связала самые удаленные уголки страны. Нельзя доехать по суше? — значит,

долетим или доплывем, доберемся и проложим трассу, прокинем энергомагистраль, дадим людям возможность жить нормально даже в самом глухом углу. Россия осваивала заполярную целину, и в это же время в конструкторских бюро и научных институтах ковался космический щит и плуг. Ядерные двигатели, плазменные установки, системы жизнеобеспечения замкнутого цикла — все это создавалось не для войны, а для мирной экспансии в Солнечную систему. Луна, астероиды, Марс — они стали новым фронтиром, и Россия, верная своему историческому предназначению, шла впереди. У Родины был надежный щит. Но и меч всегда оставался под рукой.

Артем хорошо помнил уроки истории в своей новосибирской школе. От Нины Родионовны Садыковой, любимой учительницы всех десятиклассников, ветерана лунной программы, он узнал, как в самом конце двадцатого века, когда весь мир ожидал краха «советской империи», Россия сумела консолидироваться и совершить технологический рывок. Тогда, ценой невероятных усилий, были созданы компактные термоядерные реакторы, работающие на первом гелии-3, доставленном с Луны.

Садыкова рассказывала подросткам, замороженно слушавшим ее, как полярные конвои новых атомных ледоколов круглый год вели караваны по Северному морскому пути, полностью покоренному техникой и волей человека. Как строился космодром «Сияние Севера» и первые орбитальные верфи. Как прорыв в космос был оплачен десятками жизней тех, кто шел впереди, взрывался, горел, погибал в лабораториях и на испытаниях, спасал товарищей и ставил на себе рискованные опыты. «Мы никогда не стремились стать гегемоном, как Альянс, — говорила учительница. — Зато стремились к тому, чтобы ни один россиянин, где бы он ни находился — в тундре, в пустыне или на другой планете, — не чувствовал себя брошенным. Запомните это накрепко, друзья мои. За каждым из вас стоит мощь государства, и любой, кто посягнет на жизнь гражданина России, будет уничтожен — без переговоров и снисхождения».

Эти слова врезались в память Артема навсегда, и сейчас, летя сквозь пустоту космоса в тесной каюте старого балкера, который держал курс на красную планету, Новиков ощущал себя частью этой огромной, спокойной силы.

3

Путь до Марса занимал стандартные полтора месяца. Трасса была разведана и изучена вдоль и поперек. Никаких тебе космических чудовищ, пиратов, шальных комет и блуждающих астероидов.

— Нету нынче в космосе романтики, братцы, — грустно заявил однажды за обедом кто-то из вахтовиков. — Едем, как в рейсовом автобусе!

Пилоты, свободные от дежурной смены, обедавшие тут же неподалеку, посмотрели на него как на больного, один из них даже сплюнул через левое плечо и покрутил пальцем у виска.

— Нету романтики — и не надо! — отрезал он. На этом дискуссия и завершилась, не успев толком начаться.

«Витязь» мчался сквозь пустоту, и жизнь Артема на борту вошла в размеренный, почти скучный ритм. Подъем в шесть утра по корабельному времени, зарядка в тесном спортивном уголке (искусственная гравитация «Витязя» работала исправно, и не нужно было идти на всяческие ухищрения вроде беговой дорожки с магнитными захватами), завтрак из пищевого автомата. Учеба. Потом — свободное время, которое каждый заполнял по-своему. Георгий Горелов, инженер по телеметрии и программист по второй специальности, которого все запросто звали Гошей, сутками пропадал в техническом отсеке, помогая экипажу с мелкими ремонтами и одновременно изучая устройство корабля. «Интересно же! Я должен знать каждую гайку шутовины, на которой лечу», — объяснял он Артему, с перепачканным смазкой лицом вылезая из-за какой-то панели. Буровики Олег «Дед» и Руслан «Топаз» (Артем пока

что так и не узнал их фамилии) резались в шахматы, используя старенький дорожный набор, и спорили до хрипоты о преимуществах плазменного бурения перед роторным. Водитель и спец по автоматике Павел Жилин по прозвищу Шкипер читал бумажные книги — у него была целая библиотечка маленьких затрепанных томиков, от Хемингуэя до Плутарха, и он никому их не давал, только иногда зачитывал вслух особенно понравившиеся абзацы.

— Как царь Кошей над золотом, ты над своими книгами чахнешь, — подкалывали Шкипера, но он в ответ только посмеивался. Как он ухитрился протащить книги на борт — оставалось тайной за семью печатями.

Геолог Елена Ковальчук большую часть времени проводила в крошечной лаборатории, оборудованной в одной из выгородок балкера. Там девушка калибровала приборы, изучала сейсмические карты Марса и иногда, когда думала, что ее никто не видит, рисовала что-то в блокноте. Однажды она позабыла блокнот раскрытым на столе в кают-компании, и Новиков с удивлением заметил: это были не геологические схемы, а наброски — марсианские пейзажи, лица товарищей, странные фантастические растения. Он ничего не сказал, и вообще сделал вид, что проходил мимо и страшно заинтересован выбором меню в автомате. Поспешно вернувшись Елена подозрительно зыркнула на него, пряча блокнот в карман, но парень сделал самое невинное лицо.

Сам Артем заполнял свободные часы чтением технической документации по буровой «Кольская-М» и изучением марсианской геологии. Нет, он любил поваляться с книгой, почитать фантастику и хорошую прозу, ценил романы Ивана Ефремова и изощренные сюжеты земляка, Андрея Фролова — но сейчас было совсем не до того. Новиков отлично понимал, что его выбрали для марсианской вахты не за красивые глаза. Сейчас он очень хотел оправдать доверие. Выбрали его, двадцативосьмилетнего бурового мастера из Новосибирска, потому что за его плечами, несмотря на молодость, уже имелся вполне солидный опыт. Артему нравилось думать, что опыт этот в чем-то даже уникальный для одного человека: сначала Мессояха, Восточно-Мессояхское месторождение, потом «Арктик СПГ-22», за ним шельф Печорского моря и платформа «Приразломная». Потом — Сахалин, проект «Сахалин-Курилы», бурение с плавучей платформы в Охотском море во время сезонных штормов, когда ледяные волны захлестывали палубу, а ветер превращал брызги в жалящие лицо пули. И наконец — подводный добычный комплекс на Штокмановском месторождении, где Новикову довелось поработать с телеуправляемыми аппаратами на глубине триста пятьдесят метров, стыкуя фонтанную арматуру в полной темноте, в воде температурой минус два градуса. Да, сейчас он был одним из немногих, кто одинаково хорошо разбирался и в наземном, и в подводном, и в арктическом бурении. А Марс, как говорили инструкторы в Холмогорах, — это все вместе, только в тысячу раз сложнее.

То же самое Артем слышал от Круглова.

4

Старший смены, Семен Борисович Круглов, он же просто Главный — был живой легендой. Артем знал его биографию едва ли не лучше собственной. Это про таких людей писали в учебниках, снимали документальные фильмы, голографический портрет Круглова, сурово хмурающегося, встречал студентов в вестибюле главного корпуса Новосибирского института нефти и газа.

Круглов начинал в двадцатых годах на арктическом шельфе — сначала простым бурильщиком и мастером на «Приразломной», потом руководителем буровых работ на Варандее.

Когда Россия всерьез взялась за Луну, именно Круглов возглавил геологоразведочную партию, которая открыла легендарное месторождение гелия-3 «Самобранка» в районе Моря Спокойствия. Это открытие на десятилетия вперед обеспечило страну топливом для термоядерных реакторов — чистым, безопасным, невероятно эффективным. Добыча гелия-3 на

Луне была адски тяжелой работой даже несмотря на автоматику: реголит нагревали в специальных печах до шестисот градусов, выделяя летучие газы, которые затем сжижали и разделяли на фракции. Круглов лично спроектировал и запустил первую промышленную установку, работавшую в условиях вакуума и лунной гравитации. Транспортировка на Землю осуществлялась автоматическими челноками, которые по стратосферной «струне» садились прямо на разгрузочные ступени приемной площадки обогащательного комбината.

А потом случилась беда. В 2133 году, когда Семен Круглов был начальником лунной базы «Селен-4», ее накрыл мощный метеоритный дождь, большой рой обломков, не замеченный радаром. Противометеоритная защита, конечно, сработала — но все-таки один из модулей вместе со всей командой был уничтожен мгновенно, оставив после себя глубокий кратер. Во втором началась разгерметизация и пожар. Круглов лично вытащил из-под обломков семерых человек, получил сильное облучение от разрушенного реактора, но выжил. А его жена Наталья, геофизик, работавшая в том же модуле, погибла. Она осталась внутри, чтобы перекрыть аварийный клапан и спасти остальных, вот только сама выбраться уже не успела.

После гибели жены Круглов, которого тогда едва собрали заново в земном госпитале, стал еще суровее, еще молчаливее, целиком посвятив себя работе. За его спиной шепотом и с уважением говорили, что он «женат на своей профессии», и в этой старой, заезженной шутке была горькая правда.

В кают-компании «Витязя», Круглов обычно сидел в углу, пил чай из огромной термокружки с надписью «Поехали!» и портретом первого космонавта Гагарина — и внимательно слушал разговоры. Он редко вступал в беседу, но когда такое случалось, все сразу замолкало. Артем заметил, что даже выдавшие виды ветераны вроде Деда и Топаза обращались к нему с подчеркнутым уважением, почти с благоговением. Это был человек, который видел смерть, побеждал ее и продолжал делать свое дело. Герой? Наверно, хотя попробуй кто-нибудь назвать его так, Круглов бы только фыркнул и pokrutil пальцем у виска: «Дурость ваша...»

5

Тренировки в невесомости начались уже на третьи сутки полета, когда «Витязь» полностью погасил осевое вращение для калибровки гироскопов. Круглов, собрав всех в грузовом отсеке, где контейнеры были сдвинуты и принаитовлены к стенам, освобождая пространство, коротко объяснил:

— Задание простое, но вы его все равно провалите. Ваша задача — за три минуты переместить условного раненого из точки «А» в точку «Б», не задев «радиоактивные» зоны, помеченные красным. Опережая дурацкие вопросы: нет, вы не десантники; нет, на Марсе гравитация, хоть и пониженная, но есть; да, вам это все равно пригодится. Время до отключения гравитации... три... два... один... есть!

Артем, привыкший к земной тяжести, почувствовал, как ноги отрываются от палубы и обомлел от неожиданности, но тут же пришел в себя. Первые движения были неловкими, он чуть не улетел в стену, но быстро приновился, работая руками как веслами. Гоша Горелов, напротив, сразу же потерял ориентацию, кубарем полетел в сторону «красной зоны», но Шкипер ловко перехватил его за лодыжку, дернул назад, не дав коснуться опасного участка.

— Эй, давай полегче! — крикнул Горелов, нелепо размахивая руками. — Можно подумать, ты сам умеешь!

— Я — умею, — коротко ответил Шкипер, и лучезарно улыбнулся.

Самым сложным было тащить Дмитрия Крюкова, «Крюка», второго водителя, который был назначен «раненым». Его мощная фигура занимала слишком много места в тесноте отсека. Артем и Елена, действуя синхронно, отталкивались от стен и трапов, стараясь сохранять равновесие, но Крюк, не удержавшись, схватился за плечо Елены, сбив ее с траектории.

— Внимание! Аварийная ситуация! — подал голос Круглов, и тут же истошно заорала сирена. — У вас одна минута! Дым! Видимость падает.

Новиков, видя, что Елена уходит вниз, сделал резкий рывок, схватил ее за талию, разворачивая в нужном направлении. Их глаза встретились на мгновение. В ее взгляде мелькнули удивление и что-то еще, от чего Артем сбился с ритма и чуть не врезался в стойку. Но они справились. Они успели.

Когда Круглов остановил секундомер, все облегченно выдохнули. Гоша ухватился за такелажные ремни и повис в воздухе вниз головой, тяжело дыша.

— Хм... Даже неплохо для новичков, — медленно сказал Главный, и в его голосе проскользнула скупая нота одобрения. — Только вот что, Горелов, в следующий раз — не пищи, а работай. Случись реальная авария, тебя за ногу могут и не поймать. Ладно, все свободны. Завтра в шесть утра — повтор.

Вечером пятого дня полета, когда «Витязь» пересек орбиту Луны и вышел на межпланетную траекторию, в кают-компании собралась почти вся смена — двенадцать человек. Шестеро опытных марсианских «волков», летевших с Земли после годичного отпуска, и шестеро новичков, включая Артема. Круглов, по своему обыкновению, сидел в углу и молча наблюдал.

Артем разглядывал будущих коллег. Он уже немного знал Гошу Горелова — вечно растрепанного, вечно что-то жующего и взалб тараторящего. Гоша был из тех людей, которые в обычном быту неряшливы, в общении порой занудны и способны взбесить даже самого спокойного человека. Зато он никогда не унывал, за шуткой в карман не лез, и до последнего винтика знал всю аппаратуру, ему подвластную и просто случайно оказавшуюся в пределах досягаемости его отвертки.

Рядом с ним сидела Елена. Ее досье Артем изучил досконально, потому что эта девушка — точнее, молодая женщина чуть старше Артема — сразу его чем-то заинтересовала. Она была невысокой, хрупкой на вид, с коротко стриженными темными волосами и серыми глазами, которые при разговоре никогда не отводила, смотрела прямо почти не мигая. В ее биографии значилось участие в экспедиции «Содружество-Евразия» — той самой, что высаживалась на комету Бланко-4 и потеряла двоих членов экипажа. Елена провела на поверхности кометы семь часов, собирая образцы, и вернулась с данными, которые перевернули представление о составе кометного льда. Артем невольно засмотрелся на нее и тут же одернул себя, мучительно переживая собственную, как ему казалось, глупость: «Нашел время! О работе думай!»

Дальше сидели ветераны. «Дед», — старейший член экипажа, один из первых марсианских поселенцев.

— Олег Токарев, — буркнул он, представляясь. Артем решил, что на этот раз накрепко запомнит фамилию. За ним на стуле вольготно развалился Руслан Аскеров, «Топаз», — заместитель Круглова, огромный механик с пышными черными усами, по слухам знавший базу «Королев» как свои пять пальцев. Павел Жилин, «Шкипер», — бывший подводник, молчаливый, с цепким взглядом. Был еще Сергей Жаров — айтишник и инженер по системам жизнеобеспечения, худощавый, с вечно виноватым выражением лица и стреляющими туда-сюда глазами. Он суетился больше всех, даже сейчас постоянно тыкал пальцами в планшет, проверял данные с каких-то датчиков, что-то бубнил себе под нос. Артему он показался немного нервным, но в целом — технарь как технарь, малость не от мира сего, такие обычно предпочитают свои компьютеры обществу людей. Вот и сейчас никто не обращал на него особого внимания.

Были и другие. В углу, на откидном стульчике, примостился Дмитрий «Крюк» Крюков — водитель и оператор буровой, крепкий мужик лет сорока с огромными кулачищами, похожими на две кувалды, увлеченно изучающий книгу про морские узлы. Он работал с Кругловым еще на Луне и, как поговаривали, был одним из тех семерых, кого Круглов вытащил из-под обломков.

Рядом с ним сидела Нина Соболева — врач базы, маленькая русоволосая и уколощая женщина лет тридцати пяти, спокойная, с точными движениями и добрыми внимательными глазами. Она тоже была не из новичков — год отработала на Марсе и теперь возвращалась из отпуска. Как на штатном медике базы, на ней лежала ответственность за здоровье двух десятков человек в условиях, где любая царапина могла стать очень неприятной помехой и угрозой.

Круглов постучал пальцем по столу, привлекая внимание.

— Все здесь? Значит так, народ, рассусоливать и говорильню устраивать не буду. Лететь нам еще больше месяца. Скучать я вам не дам. Отныне каждый день, с шести до девяти и с пятнадцати до семнадцати, — тренировки по действиям в нештатных ситуациях. Работаем в парах и тройках. Моделируем все: разгерметизацию, пожар, отказ скафандров, потерю связи, пылевые бури, выбросы на буровой... Учебные тревоги в любое время суток. Кто не справляется — учится заново. Мой девиз вы знаете.

— Пот экономит кровь, — хмыкнул Шкипер, — плавали-знаем, ага.

— Ну вот, сами все понимаете, — Круглов пожал плечами. — Вопросы?

Вопросов не было. Все знали, что спорить с Главным бесполезно.

6

Новые тренировки начались на следующий же день и оказались именно такими тяжелыми, как и предупреждал Круглов. Никаких послаблений, полная имитация любой «чрезвычайки», разве что без летальных исходов, спасибо и на том. Артем, привыкший к суровым условиям арктических вахт, поначалу чувствовал себя вполне уверенно. Но Круглов умел находить слабые места. На третьем занятии, ликвидируя аварию на буровой, Артем перепутал последовательность ручного отключения плазменного перфоратора при условно отказавшей автоматике, и если бы это происходило в реальности, струя плазмы прожгла бы стенку кабины, оставив от оператора внутри только пепел. Круглов ничего не сказал — просто посмотрел на парня своим тяжелым, немигающим взглядом, едва заметно покачал головой, и Артему сразу захотелось провалиться сквозь палубу. Вечером он до одури читал инструкции, пока Гоша не отобрал у него планшет и не заставил идти спать.

Через неделю таких тренировок вся команда вымоталась до предела, Гоша вывихнул плечо, а Шкипер перестал цитировать Хемингуэя. Но зато они потихоньку стали действовать практически как единое целое. Даже вечно виноватый Жаров, который поначалу путался в командах и вызывал раздражение у Топазы, стал действовать четче. Артем заметил, что Круглов никогда не повышает голос, никого не ругает, но его молчаливое неодобрение действовало сильнее любого крика. «Пот экономит кровь», — скрипуче повторял он каждый раз, когда кто-то начинал роптать, и все умолкали, начиная усиленно перепроверять пошаговые алгоритмы действий.

Зато в вечерние часы отдыха (вечерние, конечно, по локаль-времени корабля, которое было синхронизировано с московским) ветераны травили байки. Дед, не признававший никаких напитков, кроме крепчайшего черного кофе, устраивался в любимом кресле и обожал «пугнуть» новичков историями о Марсе. Каждый раз это была новая байка.

— Такое обычно случается раз в два-три года, — говорил он, понизив голос. — В южном полушарии, в районе равнины Аргир, есть участок, где под поверхностью залегают огромные залежи сухого льда — замерзшего углекислого газа. Когда наступает марсианское лето, лед начинает превращаться в летучий газ. Давление растет, и в какой-то момент происходит выброс, да не мне вам рассказывать... Вот только это не просто газ. Это смесь углекислоты, пыли и каких-то химических соединений, которые образуют черные, как сажа, кристаллы. Поднимается настоящая метель — черная, непроглядная, в которой вопреки всем законам физики резко падает температура. И в этой метели, говорят, можно увидеть... всякие там фигуры. Непонятные, которые движутся против ветра. Один наш метеоролог, Володя Кравец, попал в

такую метель, когда ставил там датчики. Связь прервалась на час. Когда он вернулся, скафандр весь был покрыт черным налетом, а на шлеме — царапины, будто кто-то пытался вскрыть его снаружи. Володя ничего не помнил. А через месяц у него начались кошмары, кричал по ночам, что за ним пришли «черные люди», орал так, что соседи с коек падали.

Дед помолчал.

— Ну, дальше понятное дело. Списали на Землю по психиатрии.

— Это правда или вы нас как новичков разводите? — спросил Гоша, нервно хихикнув.

— Развожу? — Дед посмотрел на него серьезно. — Ну, сам решай. Володю я лично провожал на челнок. Он седой был, как лунь, хотя ему всего тридцать два на той вахте стукнуло.

— Ясно... — смутился Гоша, нервно прихлебывая свой чай.

Вторая байка, которую рассказал Топаз, была повеселее.

— А вот был у нас случай, — начал механик, ухмыляясь в свои кавказские усы, — когда новенький парень, ну пусть звать его будут Костик из Рязани, сохраним инкогнито бедолаге — так вот, он решил, что на Марсе можно мыться реже, чем на Земле, потому что «все равно никто не видит». Ну и не мылся три недели, так, салфеточками обтирался. А скафандр, братцы, он же замкнутая система, там все запахи остаются внутри. И пришла пора нашему Костику выйти с базы на поверхность... Надел он скаф, а через полчаса в шлеме у него — такое амбре образовалось, что глаза на лоб, язык наружу, дышать нельзя, и работать просто ну никак невозможно. Сами знаете, в скафандрах типа «Ракорд» абсорбции практически нет... В общем он чуть не задохнулся. Связь у нас общая, и тут он как заорет: «Мужики, спасайте, я сейчас сознание потеряю!». Мы его быстренько в шлюз затащили, «скорлупу» проветрили, а потом еще месяц над ним смеялись. С тех пор у нас на базе банный день — святое. Даже если воды в обрез, все равно все моются. Потому что скунсов на вахте никто не любит, нечего им там делать.

Все посмеялись, даже Круглов чуть заметно улыбнулся, и в кают-компании сразу стало как-то даже уютнее.

7

Шли дни, Марс приближался, а Новиков все чаще ловил себя на мысли, что... думает о Елене. Почему, с чего бы? «Геологиня», как ее называл, посмеиваясь, Топаз, всегда была сдержанна, почти холодна, но Артему казалось, что иногда, когда они вместе работали над учебными задачами, в ее глазах мелькает что-то теплое. Он вздыхал, говорил себе, что это все ерунда, и надо думать о будущей вахте, и снова утыкался в учебники и справочники.

Но однажды, после особенно изнурительной тренировки, когда Артем снова ошибся и получил от Круглова очередной молчаливый выговор, Елена подошла к нему в коридоре.

— Ты не переживай, — сказала она негромко. — Круглов потому и гоняет, что видит в тебе большой потенциал. Если бы он считал тебя безнадежным, просто бы не обращал внимания.

— Правда? Спасибо, — Артем криво улыбнулся. — Я просто... наверно, я привык быть лучшим, везде успевать. А тут — как новичок.

— Везде успевать нельзя, — серьезно сказала Елена, — а сейчас тем более. Мы все здесь новички, — она пожала плечами. — Даже Круглов, понимаешь? Марс каждый раз новый, эта планета нам подкидывает загадки одну за одной. Никто не знает, что нас ждет.

— Почему никто? Я знаю. Нас ждет вахта, — Артем уже вернулся в обычное для себя хорошее настроение, — а тебя ждут геологические образцы.

— Это правда, — Елена была все так же серьезна. Они постояли молча, глядя экран, имитирующий внешний иллюминатор, за которым в вечном вращении проплывали звезды. Артем хотел сказать что-то еще, но, пока подыскивал нужные слова, Ковальчук первой нарушила молчание:

— Ладно, пойду я. Завтра опять тревога в шесть утра, помнишь? Круглов обещал имитацию пробоины в жилом модуле. Это значит, готовиться нужно к чему угодно, старик всегда хитрит. И не в шесть, а наверняка часов в пять вскакивать придется.

— Знаю. Спокойной ночи, Лена.

— Спокойной ночи, Артем.

Он долго смотрел ей вслед. Вспомнил свою бывшую девушку, с которой они встречались три года. Марина была красивой, умной... вот только она не смогла принять его работу — вечные вахты, опасность, неизвестность. Когда его заявку на участие в марсианской программе одобрили, они расстались без скандала, но грызущая боль осталась надолго. Артем прекрасно понимал: найти женщину, которая разделит его жизнь, будет трудно. Но сейчас, глядя на Елену, он почему-то почувствовал смутную надежду. Она сама была такой же — одержимой, рискованной, живущей работой. Может быть, именно такую он и ищет? Кто знает.

8

До посадки оставалось шесть часов.

И тогда случилось то, чего никто не ожидал.

«Витязь» начал стандартный маневр торможения для выхода на низкую марсианскую орбиту. Сидя за крошечным столиком в своей каюте, Артем как раз размышлял о том, почему марсианская нефть не пахнет серой, а имеет странный, отчетливо резкий и металлический запах — когда балкер вдруг дернулся. Это было мягкое, но очень неприятное сотрясение, словно огромный поезд наехал на разошедшийся стык рельсов. Вот только никаких рельсов в космосе не было. В тот же миг завывала сирена, а в динамиках прозвучал бесстрастный синтезированный голос:

— Экипажу и пассажирам сохранять спокойствие. Сработала аварийная защита маршевого двигателя №3. Проводится экспресс-диагностика.

В кают-компанию Гоша Горелов подавился печеньем и закашлялся, осыпая свой планшет крошками, летящими изо рта. Глаза Круглова, замершего над планшетом, сузились, но сам он остался неподвижен. Елена отложила полевой анализатор, над которым увлеченно колдовала, и вопросительно посмотрела на командира. Через несколько минут в кают-компанию влетел Топаз, держа на отлете наполовину расплескавшуюся кружку с кофе.

— Штаны облил! Главный, — обратился он к Круглову нарочито небрежно, но в глазах плясала тревога, — магнитная пробка в системе охлаждения активной зоны, похоже, вылетела. Температура теплоносителя поползла.

— Проверял? Сами справятся? — отрывисто спросил Круглов.

— Обижаешь, шеф, само собой, проверял. У меня все показатели запараллелены, что пилоты видят, то и я. Экипаж у нас — профи, но плазма, ты ж знаешь, она дура, ей все равно.

Артем, который как раз добрался в кают-компанию и услышал слова Токарева, почувствовал, как неприятно тянет где-то под ложечкой. Он, конечно, не был настоящим пилотом и слабо разбирался в нюансах управления балкерами, но кое-какие инструктажи и дополнительные курсы проходил. Достаточно, чтобы понимать: отказ ядерного реактора в космосе — это не дым из-под капота отцовского «Руссо-Балта». Это вполне возможная и очень неприятная смерть.

И тут на пороге появился Жаров. Его лицо было бледным. Поглядев на него, Круглов поморщился, будто от внезапного приступа зубной боли.

— Дай угадаю, — спокойно сказал он. — Реактор — это еще не все, да?

— Ребята, не паникуйте, — сбивчиво затараторил Жаров. Огляделся вокруг, посмотрел на абсолютно спокойные лица, потом наткнулся взглядом на злого из-за мокрых штанов

Топаза, и поежился. — То есть, нет, конечно... да... я вижу, что никто не паникует, я на всякий случай...

— Сережа, — очень мягко перебил айтишника Круглов, — ты это прекращай. Говори по делу.

— Да... У меня к вам, коллеги... несколько специфический вопрос. Пока инженеры в реакторном отсеке, у нас падает давление в дублирующем контуре гидратации оранжереи. Похоже на микротрещину в трубопроводе. Никто из вас не умеет варить титан в невесомости... случайно?

В кают-компании повисла тишина. Потом Гоша фыркнул:

— Ты серьезно? Титан? Аргонодуговая сварка в невесомости — это же как в учебниках пишут: «Опытный образец уничтожен полностью, испытатель получил ожоги восьмидесяти процентов тела». А роботы на что?

— Я серьезно, — лицо Жарова посерело. — Если контур разгерметизируется, у нас через два часа начнется ледяной шторм внутри жилого отсека. Вся влага из воздуха вымерзнет на стенках. Трещина уже пошла, я видел на мониторе — она растет. Еще полчаса, и трубу разорвет. Роботы — а ты тех роботов видел? Они для ремонта корпуса и для уборки коридоров. — Сергей уже почти кричал. — Хочешь, тарелку за тобой приберут и в утилизатор выкинут?

— Тихо! — рявкнул Круглов. Жаров осекся. И тогда Артем с огромным удивлением вдруг услышал собственный голос:

— Я варил.

Все повернулись к нему. Круглов прищурился.

— Ты же буровик, Новиков. Какая сварка?

— Трубопроводный факультет, кафедра сварки, спецкурсы. Доклад на конференцию писал по ремонту газопроводов под водой без остановки перекачки, — Артем говорил, волнуясь, и с досадой чувствовал, что говорит слишком громко, перескакивая с одного на другое, и что щеки горят, как обваренные кипятком. — И на Мессояхе была авария, когда зимой при минус пятидесяти шести порвало выкидную линию. Меняли катушку трубы, я варил поворотный стык электродом с целлюлозным покрытием. Титан, правда, не варил, но принцип знаю.

— Принцип он знает... Карась, а парень-то не промах, — хмыкнул Дед. Новиков впервые услышал, чтобы кто-то вот так, запросто, назвал Круглова прозвищем, которое позволялось только самым близким друзьям. «Карасем» Семена Круглова прозвали за упорный характер и способность приспосабливаться даже к самым скверным ситуациям. Карась выживает даже в промерзших до дна озерах, когда вся прочая рыба превращается в ледышки.

Круглов долго смотрел парню в глаза. Потом, кивнув каким-то своим мыслям, бросил коротко:

— Дед, отведи его в техотсек. И дай внешний светофильтр. Полимер не сияет, конечно, но вполне может оказаться, что там кое-что придется подваривать по-другому.

9

Артем висел в тесном техническом отсеке, опутанный проводами и экзоскелетом скафандра-спасателя. «Витязь» замер, прекратив осевое вращение, и гравитация сменилась невесомостью, от которой с непривычки подташнивало. «Нет, не быть мне пилотом», — мельком подумал Новиков, но эта мысль проскочила и сразу куда-то исчезла. В руках — портативная установка для холодной сварки полимерным композитом. Главная проблема была в том, что трещина оказалась серьезнее, чем думали сначала — не просто царапина, а настоящий разрыв длиной сантиметров десять, который продолжал постепенно расширяться под давлением теплоносителя. Из трещины со слабым свистом (кислорода здесь почти не осталось) выходил пар, мгновенно замерзая и превращаясь в облако ледяных кристаллов.

— Видишь? — голос Жарова в наушниках прерывался каким-то потрескиванием и шумом. — Она растет. Если не остановить, трубу разорвет по всему сечению.

— Вижу ясно. Слушай, ты лучше со связью разберись, я тебя через слово понимаю.

Жаров замолчал, и Артем стиснул зубы, включая установку. Через скафандр он ощущал вибрацию корпуса. В невесомости каждое движение требовало концентрации. Малейший толчок — и его отбросит на острые края оборудования, а шов будет загублен так, что не исправить.

Новиков медленно подвел сопло установки к трещине и начал наплавлять полимер. Первый слой все-таки лег неровно — рука дрогнула. Второй — лучше, уже приноровился. Третий — почти идеально. Парень не следил за временем и полностью отключился от внешнего мира, сосредоточившись на проклятой трещине. Только когда пар перестал выходить, и давление в контуре стабилизировалось, он взглянул на мигающие перед глазами часы. Прошло всего одиннадцать минут. Целая вечность.

— Готово, — выдохнул Артем, чувствуя, как подрагивает голос. — Но это временно. Как сядем, нужно менять всю секцию. И светофильтр не пригодился, кстати.

— Временно — это лучше, чем никак, — на сей раз ему ответил Дед. — Спасибо, коллега. Не совру, если скажу, что ты нас всех спас.

Когда Артем, дождавшись восстановления гравитации, вернулся в кают-компанию, мокрый от пота и с трясущимися руками, его встретили короткими аплодисментами. Новиков очумело озирался по сторонам, и Круглов молча протянул ему кружку с горячим сладким чаем.

— С почином, Артем, — сказал он без улыбки, но в голосе впервые проскользнуло что-то похожее на уважение. — Можешь.

— Слышь, Земля, — окликнул парня Топаз, — а ты ничего. Руки из правильного места растут. Запомни хорошенько: на «Королеве» умение чинить трубы ценится выше, чем много что еще. Будешь в моей смене — попрактикуешься, научу тебя варить титан как следует. Аргон, с присадкой. Пригодится.

— Так вы что... — пробормотал Артем ошарашенно. — Вы и сами могли?

Топаз засмеялся.

— Могли, не могли, какая разница? Сделал-то ты! Тебе, добрый молодец, тут и славу поют, как говорится.

Дед хлопнул Артема по плечу.

— На самом деле, Темка, ты большой молодец. Только не привыкай к роли спасателя. Герои на Марсе долго не живут, уж поверь моему жизненному опыту.

— Почему? — не удержался от вопроса Артем.

— Потому что они лезут туда, куда не надо, и делают то, что не просили. Потом таких героев выгоняют взащей, если не что похуже... Марс ошибок не прощает. Он их коллекционирует.

10

Оставшиеся до посадки часы прошли удивительно спокойно. «Витязь» вышел на плановую орбиту, и капитан Ершов объявил, что посадка состоится по расписанию, хотя пылевая буря, которую метеорологи прогнозировали еще на подходе, к началу снижения балкера уже набрала силу, накрывая район посадки плотным облаком.

Артем сидел в своей каюте и бездумно смотрел на бурый диск Марса на экране визофона, передающего изображение с главной бортовой камеры. Он вспоминал прошедшие недели: все эти тренировки, байки ветеранов, взгляды Елены, аварию, которую он помог предотвратить. Крутил в голове так и этак — а что, если бы... хотя и понимал, что не бывает никакого «если бы».

Команда вроде бы надежная, люди на вахте подобрались что надо. Артем хорошо знал, как важно, чтобы коллектив притерся друг к другу, ведь им совсем скоро вместе жить на Марсе, в тесноте базы, делить квадратные метры и литры кислорода. Круглов — Главный, Карась, глыба, на таких держится все. Дед — кладезь опыта. Топаз и Шкипер — те, на кого можно положиться в любой передрыге. Гоша — болтун, конечно, но дело знает. Елена... нет, такая не струсит. О ней он думал с теплотой и тревогой. Жаров — старательный, хоть и слишком нервничает по пустякам, тонкая душевная организация. Остальные тоже производили впечатление крепких профессионалов.

И все-таки Артем волновался. Марс — это не Север, не шельф, не Луна. Это другая планета, с другими особенностями, с новыми опасностями. Человека эта планета не ждала и не приглашала. Человек пришел сюда сам. Новиков вспомнил рассказы Деда и невольно поежился. Что, если все это — не просто байки? Что, если Марс действительно хранит тайны, к которым они не готовы? Он тряхнул головой, отгоняя мрачные мысли. Сказал Круглову: «Справлюсь!»? Значит, должен справляться, доказать, что это не просто пустые слова.

Скоро будет Марс. А пока что надо хоть немного подремать, пока есть такая возможность.

Артем закрыл глаза и сразу провалился в тревожный, неглубокий сон. Ему снился прадед, стоящий перед старинной буровой вышкой и что-то беззвучно говорящий — как ни прислушивайся, слов было не разобрать. Потом послышался голос отца: «Труба и железо везде одинаковые, Темка. Одинаково ломаются. А люди — нет. Ты вот это запомни, самое главное». А дальше было лицо Елены, ее серые глаза, смотрящие прямо и серьезно. «Мы все здесь новички», — прошептала она.

Весь экран заполнила поверхность планеты, окутанная пеленой пылевой бури. «Витязь» начинал снижение. Марс ждал.

ГЛАВА 2. БАЗА «КОРОЛЕВ»

«Когда я впервые ступил на Марс, меня поразила красота этих пустынь — настолько она была пугающей и чуждой. Но больше всего меня поразила тишина. Настоящая, абсолютная, нарушаемая только шипением моего собственного дыхания в шлеме. Такая же, как на Луне... и в то же время совсем другая. Здесь все-таки было подобие атмосферы. И поэтому мне сразу показалось, что эта планета не просто молчит. Я чувствовал: она слушает. Ждет».

(Архив Р. Юрковского. Неопубликованное. Аудиозапись от 20.07.2124)

1

Посадка на Марс всегда была в каком-то смысле лотереей — чужая планета все-таки. Даже в спокойную погоду, даже при идеально работающих маяках и локационных приводах. Так когда-то спускаемые аппараты садились на Луну: вроде бы, уже тысячи раз отработан каждый маневр, доведено до совершенства программное обеспечение и оборудование, любые сбои исключены, а руку пилота всегда подстрахует автоматика. И все равно случались накладки и нештатные ситуации. Это тебе не в спокойном космопорту «Северное Сияние» или, скажем, «Ванавара» садиться на полосу для приема тяжелых транспортных, где даже школьник справится...

Сейчас, когда «Витязь» начинал снижение, входя в верхние слои предельно разреженной марсианской атмосферы, за бортом бушевала пылевая буря силой в семь баллов по местной шкале — та самая, которую метеорологи базы «Королев» прогнозировали на сутки позже, но которая, как это часто бывает на своенравной красной планете, решила ускориться и накрыть район посадки именно в тот момент, когда корабль выходил на финишную прямую. «Решила», — Артем усмехнулся. Он уже не в первый раз ловил себя на том, что думает о четвертой от Солнца планете, как о живом существе. «Прекращай, Новиков», — строго одернул он сам себя.

В пассажирском отсеке царило напряжение, густую и вязкую тишину нарушали только отсечки звуковых маркеров оповещения. Все двенадцать членов новой смены были накрепко пристегнуты к ложеамтам амортизационных кресел. Обычно неугомонный Гоша Горелов сидел молча, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники и уставившись в одну точку на переборке. Елена Ковальчук закрыла глаза и беззвучно шевелила губами — то ли читала стихи, то ли вспоминала какие-то инструкции. Дед, сидевший через проход от Артема, сохранял внешнее спокойствие, но его крупные руки, покрытые набухшими венами и сложенные на животе, иногда чуть подрагивали — хотя, если бы у него спросили, в чем причина волнения, он бы, пожалуй, и сам не сумел ответить. Может быть, подумал Артем, так сказывается память о тех посадках, которые заканчивались далеко не так гладко, как хотелось бы?

— Тема, — вдруг прошептал Гоша, не поворачивая головы, — ты как, живой?

Новиков удивленно покосился на него, недоумевая: с чего вдруг такой вопрос?

— Живой пока, — ответил он, — тем более, что ничего такого с нами, вроде, не случилось. Подумаешь, буря... А ты?

— Я вот думаю: лучше бы я женился на тихой земной девчонке и сидел в проектном институте, чем вот это вот все, — в голосе Гоши слышалась нервная дрожь, но глаза уже начинали поблескивать привычным юмором. — Хотя нет, вру. Ни за что бы не променял. Но страшно, аж жуть. Я же в космосе вообще впервые. И в дальнем космосе тоже впервые. И на орбите Марса в первый раз. И...

Он не договорил.

— Страшно — это нормально, — неожиданно подал голос Топаз откуда-то сзади, с соседнего ряда. — Вот когда тебе перестанет быть страшно, тогда и начинай бояться. Значит, либо

инстинкт самосохранения отключился, а на Марсе без него — верная гибель. Либо ты уже помер. Хотя если помер, то бояться ни к чему.

— Умеешь ты обнадежить, Топаз! — фыркнул Артем. Мрачноватый юмор, как ни странно, привел его в норму, волнение улеглось. Горелов тоже, вроде бы, успокоился и притих.

В рубке управление было в руках первого пилота, лейтенанта Забелина. Он разговаривал со службой навигации, и в его голосе, несмотря на профессиональную выдержку, пробивались нотки напряжения, которые невозможно было скрыть даже самой совершенной системой фильтрации эмоционального фона.

— Борт, — слышалось в наушниках пилота, — говорит навигатор стратосферного привода 1-1-3. Вы входите в зону неустойчивого приема локационного луча. Маяк дает сигнал с перебоями. Пылевые массы создают сильные электростатические помехи и рассеивают луч. Задействуйте инерциально-кинетическую систему и данные триангуляции.

— Понял, — голос лейтенанта Забелина снова был сух и спокоен, словно речь шла о рядовой парковке на орбитальной верфи. — Продолжаем снижение по схеме «Игла». Ручное управление.

Переговоры пилотов транслировались через динамики в пассажирскую рубку — такая уж здесь была традиция. Нельзя сказать, чтобы это прибавляло спокойствия, но Артему нравилось — он любил быть в курсе событий, а не болтаться в неведении, как муха в спичечном коробке.

— Олег, слушай, — уже в полный голос спросил Гоша, на этот раз обращаясь к Деду, — а что такое «Игла»? Я на курсах только краем уха о такой схеме слышал.

— Потому что тебе и не нужно. «Игла», Гоша, — Дед чуть наклонился вперед, — это когда ты сажаешь корабль, полагаясь только на инерциальную систему и лазерный высотомер. Без визуального контакта, без устойчивого сигнала маяка. Как нитку в игольное ушко вдевать — с завязанными глазами и в рукавицах. Искин тебе поможет, конечно, но есть нюансы... Последний раз так садился «Циолковский» в тридцать девятом. Сел-то удачно, но потом три дня откапывали шаттл, потому как передняя стойка отказала. Пылища набилась во все щели, уплотнителям пришли кранты, все под замену.

— Обнадежил, — выдавил Гоша и снова вцепился в подлокотники.

Артем знал, что такое схема «Игла», потому что, кроме основной специальности, проходил экспресс-курсы пилотирования. Нет, полноценным пилотом он, конечно, не стал — какое там, без налета и нормальной практики-то! — но и полным профаном уже не был. На предполетных инструктажах им показывали записи учебных посадок и — отдельно, с пометкой «для ознакомления, не для подражания» — реальные аварийные заходы, когда корабль садился практически вслепую, полагаясь только на мастерство пилотов и инерциальную навигацию. Это была ювелирная работа, требовавшая от экипажа запредельной концентрации и абсолютного взаимопонимания. Вот и сейчас — одна ошибка, и многотонный балкер превратится в грудку искореженного металла и замерзших тел на ржаво-коричневой равнине.

— Высота восемь тысяч, — продолжал спокойно докладывать Забелин. — Скорость снижения в норме. Тангаж семь градусов. Локационный луч... все еще потерян. Восстановление раз... ноль. Восстановление два... ноль. Полная потеря сигнала. Перехожу на высотомер.

«Витязь» трясло все сильнее. Где-то в недрах корабля что-то скрежетало и стонало — старые конструкции, прошедшие десятки циклов «нагрев-охлаждение», реагировали на перегрузки и перепады температур так, как реагирует на шторм старое, но надежное судно: жалобно, но без паники. Артем вспомнил дневники другого своего прапрадеда по материнской линии — капитана второго ранга Алексея Новикова, служившего на атомной подводной лодке первого поколения еще в те далекие годы, когда ядерные реакторы были несовершенны, а системы жизнеобеспечения требовали постоянного внимания и ухода.

На пожелтевших страницах, которые Артем листал в музее, аккуратным почерком было записано, как экипаж уходил на боевое дежурство в Северную Атлантику, как на глубинных

испытаниях лодка скрипела и стонала под чудовищным давлением воды, как однажды в реакторном отсеке обнаружили отказ и утечку, и как офицеры и матросы, рискуя жизнью, устранили ее, работая посменно в условиях повышенного радиационного фона, потому что всплыть и выдать себя перед вероятным противником было никак нельзя. «Они почему справились, Темка? — ероша седую бороду говорил дед, который привел внука в музей, чтобы показать дневники. — Справились только потому, что дело свое знали как надо, и за товарищей держались». Только сейчас, слушая стоны «Витязя», Артем на самом деле понял, что чувствовал тогда его прапрадед. Будто бы из глубины времен протянулась невидимая нить, связывающая подводников-атомщиков двадцатого века и планетарных нефтяников двадцать второго.

— Высота тысяча пятьсот, — голос лейтенанта стал еще жестче. — Тысяча. Семьсот. Есть отраженный сигнал... Помехи от пылевых фронтов. Давление в посадочных амортизаторах в норме.

— Так держать снижение, — в динамиках внезапно прозвучал голос капитана Ершова. — Работаем по резервному контуру.

— А если не сработает этот контур? — прошептал Гоша, но Дед грозно шикнул на него, и тот съехал в ложементе.

— Двести. Сто пятьдесят. Сто. Пятьдесят... Двадцать. Контакт!

Толчок был жестким, но вполне терпимым, взвизгнули цилиндры посадочных амортизаторов. «Витязь» клюнул носом, просел вверх-вниз, потом содрогнулся всем корпусом и успокоенно замер. На несколько секунд воцарилась полная тишина, нарушаемая лишь гулом систем жизнеобеспечения и чьим-то сдавленным вздохом. Потом в динамиках зашуршало, снова прорезался голос Забелина, и впервые за весь полет в нем прозвучало что-то человеческое:

— Борт «Витязь» произвел посадку на посадочной площадке базы «Королев». Отклонение от расчетной точки — двадцать два метра. Поздравляю с прибытием на вахту, товарищи, добро пожаловать на Марс. К сожалению, бортпроводниц у нас нет, так что к выходу проследуете сами, когда будет дан сигнал окончания шлюзования.

По салону пронеслись смешки и общий вздох облегчения, переходящий в лягание отстегиваемых ремней и скрип кресел. Горелов с шумом выдохнул и трясущимися руками полез за неизменным печеньем.

— Ну что, цифровая твоя душа, — Дед хлопнул его по плечу, — жив, курилка? А ты боялся. На Марсе, парень, главное — не дергаться, он суетливых не любит.

— Я не дергался, — пробормотал Гоша, хрустя упаковкой галет. — Я просто так... ну... медитировал. И я не курю, кстати.

— Двадцать два метра вслепую, — громко восхитился кто-то сзади. — Это же ювелирная работа просто! Хотя, с учетом искина...

— На искинов надейся, а сам не плошай. В любого искина жесткие ограничения вшиты, а то, что ты наблюдал, это, брат, русская космическая школа, — ответил Дед через плечо. — Быков, Краюхин, Юрковский... слышали такие фамилии?

Артем уверенно кивнул. Еще бы! Эти имена он знал с детства. Их биографии изучали в школе на уроках истории космонавтики, да и сам он зачитывался рассказами про их подвиги. Настоящие люди — вот кем они были.

— А я не всех знаю, только Юрковского, — сокрушенно призналась Елена, которая сидела через пару кресел от Новикова.

— Таких людей надо знать, — наставительно сказал Дед, — надо. Алексей Быков, — начал перечислять он, неспешно проверяя свои вещи, — первый человек, ступивший на Марс в составе экспедиции 2121 года. Погиб через два года при испытании нового скафандра — ударная разгерметизация во время экспедиции случилась у его коллеги, на острый осколок кварцита напоролся. Быков поделился с ним своим кислородом и успел доставить раненого на

базу, но сам потерял сознание. Умер уже внутри шлюза, когда давление выровняли. Ему было тридцать четыре.

— Владимир Краюхин, — продолжил он, — главный конструктор марсианских буровых установок. Лично испытывал прототип «Кольской-1» на полигоне в Антарктиде. А потом полетел на Марс и погиб здесь, неподалеку. Все случилось во время выравнивания площадки под буровую. Обычное дело. Но плазменный проходчик дал сбой, струя плазмы прожгла стенку кабины управления... Краюхин вытолкнул оператора, а сам остался перекрывать плазму. Сгорел заживо, но спас станцию. Его именем назван кратер в двухстах километрах отсюда.

— Ратмир Юрковский, — Дед помолчал и понизил голос, — геолог, открывший главное месторождение марсианской нефти, и тем установивший неоспоримый приоритет России. На его исследованиях целое поколение ученых выросло. Юрковский первым спустился в скважину на глубину четыре километра в специальной капсуле. При марсотрясении — да, и такое здесь бывает! — отказала система охлаждения воздуха. Он мог бы задействовать автоматику аварийного возврата, но тогда погибли бы данные, которые он собирал. Ратмир Юрковский остался в капсуле и до конца пересылал всю телеметрию на поверхность. Последние его слова были: «Здесь есть жизнь. Только она не такая, как мы думали». Его тело так и не подняли — скважина обрушилась.

В салоне повисла тишина. Артем вдруг понял, что в самом скором времени ему предстоит работать за пультами буровой, которую создал Краюхин, и добывать нефть, которую открыл Юрковский. Он словно бы ощутил себя частью чего-то огромного, цепочки, протянувшейся от первых космонавтов до него, обычного буровика из Сибири.

Елена задумчиво кивнула.

— Спасибо, — сказала она Деду. — Буду знать.

Артем поймал ее взгляд и едва заметно кивнул.

— Ты как? — спросил он одними губами.

— Нормально, — так же беззвучно ответила она. — А ты?

— Тоже. Держимся.

2

Когда пылевая буря немного улеглась и датчики показали, что снаружи можно находиться в скафандрах без риска, началась выгрузка. Артем впервые ступил на поверхность Марса не в учебном видео, а наяву.

Тамбур пассажирского шлюза был тесным, в спертom воздухе висел горьковатый привкус нагретого пластика и озона от дезинфекционных ребризеров. На стенах висела «скорлупа» — скафандры. Каждый с активной меткой о проверке, у каждого свой номер и своя история. Дед, помогавший Артему облачаться, негромко комментировал:

— Вот эта скорлупа, номер седьмой, раньше принадлежала Володе Кравцу. Тому самому, что в «Черную метель» попал, помнишь байку? Ну, как, принадлежала... Имущество, конечно, казенное, не в личном пользовании, но ты меня понимаешь — кто первый под себя настроил, тот и носит. После того случая скафандр хотели списать, но потом отремонтировали, настройки обнулили, активный агент прокачали, так что теперь в резерве. А вон тот, девятый, — Женьки Коробова. Хороший был парень... Был, вот это здесь ключевое слово. Я не пугаю, ты и сам не первый год в нашем деле, знаешь, что это такое. Но здесь не Земля. Запомни главное: перед выходом всегда проверяй замки на перчатках, уровень кислорода по манометру и герметичность шлема. Трижды проверяй. Понял?

— Понял, — кивнул Артем, чувствуя, как внутри холодеет — не от страха, от острого предвкушения *настоящего дела*.

Потом Дед ушел, началось и закончилось шлюзование, внешний люк открылся с шипением, и Новиков шагнул на Марс.

Под ногами сначала глухо стукнули в подошвы ботинок гладкие плиты посадочной площадки. Потом захрустел красновато-коричневый марсианский реголит, мелкий как мука и острый как битое стекло. Небо, несмотря на остатки пылевой взвеси, было слегка фиолетового оттенка, и на нем, словно приклеенный, висел крошечный Фобос. Горизонт был ближе, чем на Земле, — сказывалась гравитация и кривизна планеты, — и от этого возникало странное ощущение, будто стоишь на дне огромной чаши, края которой теряются в дымке.

— Красиво, да? — раздался в наушниках голос Топаза, который шел рядом. — Я, когда первый раз вышел, минут пять стоял и просто смотрел. А потом чуть с пальцами не распрощался, потому что забыл проверить подогрев перчаток. Он в этой модели скорлупы так себе, не очень хороший, недоработка, да еще норовит отключиться, если заранее все контакты не проверить. Так что ты, Земля, любуйся, но не забывай про технику безопасности.

— Спасибо, принял, — ответил Артем, переводя взгляд на базу, которая постепенно проступала из пылевой дымки. Он несколько раз сжал и разжал кулаки, убедившись, что пальцы в порядке.

База «Королев» открылась взгляду не сразу. Сначала Новиков увидел только неясные очертания в клубах пыли, поднятых посадкой балкера, — словно округлые спины гигантских черепах, всплывших из глубин марсианской пустыни. Но когда они подошли ближе на вездеходе (надежный, хоть и устаревший ТМ-12, исправно доставлявший грузы от посадочной площадки к шлюзам), стали видны детали. Вся база представляла собой комплекс из четырех огромных, как бы сросшихся карболитовых полусфер разного диаметра, покрытых толстым слоем спекшегося в прочный панцирь реголита — дополнительной радиационной защитой, которую наносили специальные роботы-укладчики еще на этапе строительства. Самый большой купол, центральный, вмещал жилые помещения, кают-компанию, медблок и командный центр. К нему примыкали три меньших: складской модуль, лабораторный комплекс и оранжерея. Еще один купол — технический модуль с реактором и системами жизнеобеспечения — был вынесен подальше от остальных. Все купола соединялись герметичными многослойными переходами, усиленными титановыми кольцами и скрепляющими их между собой металлическими полосами.

— Смотри туда, Земля, — Топаз указал на один из переходов, где издалека виднелась относительно свежая заплатка из блестящего полимера. — Это ребята в нынешнюю вахту латали, которой мы на замену прилетели. Мелкий метеорит бахнул, трещина пошла, роботы не справились, пришлось выходить вручную. Четыре часа в скорлупе, с плазмой на горбу, при минус семидесяти. Зато теперь как новенькая.

— Часто такое случается? — спросил Артем.

— Нечасто, но бывает. Как угадать? Статистики на это дело нет. Марс — он как капризная женщина: сегодня улыбается, завтра скандалит. Привыкнешь.

База была построена двадцать лет назад, на месте первой, временной станции, которую возвели еще первые экспедиции. Ее постоянно расширяли, достраивали, модернизировали — и все равно она не выглядела новой. Марс быстро состаривал все, что попадало на его поверхность. Писатели-фантасты, которые когда-то сочиняли романы о марсианских экспедициях, расчерчивали красную планету каналами, населяли ее золотоглазыми аборигенами — но почему-то не вспоминали о пыли. Эта пыль, вездесущая и агрессивная, проникала в шлюзы, разъедала уплотнители, оседала на солнечных батареях, роняя их производительность. Роботы-ремонтники — небольшие шестиногие механизмы, похожие на черных матовых пауков, — постоянно ползали по куполам снаружи и внутри, обметая их, сканируя обшивку на предмет микротрещин и тут же заделывая появившиеся особо прочным герметиком. Но порой даже они не справлялись, тем более что чертова вездесущая пыль не щадила и роботов, про-

никакая в мельчайшие сочленения суставов и корпуса. Автоматы ломались, и тогда на помощь приходили люди — все, как всегда. То тут, то там виднелись заплатки, поставленные вручную, следы сварных швов, оставленных аварийными бригадами во время авральных выходов.

Артем смотрел на эти заплатки и снова вспомнил дневники прапрадеда-подводника. «Первые выходы в море были сплошным испытанием, — писал тот. — Реактор то и дело выкидывает фортеля, трубы текут, радиация идет фоном, у инженеров, которые вышли с нами в море, волосы вставали дыбом. А мы знай себе латаем да служим. Что поделать, раз Родина сказала: надо». Сейчас, глядя на базу «Королев», Артем чувствовал то же самое: здесь не было парадного лоска, зато была надежность. Надежность людей, которые знают свое дело и готовы делать его в любых условиях.

Солнце, уже клонившееся к закату, светило в лицо через визор шлема, и Артем зажмурился, на секунду представив, что ослеп. Потом опустил забрало, и мир принял уютный желтовато-зеленый оттенок защитного фильтра. В этот момент к нему неуклюже подошел Гоша, который, морщась, пытался согнуть правую руку в локте. Его лицо за стеклом шлема покраснелось от усилий, а на лбу выступили капли пота, которые он безуспешно пытался смахнуть, возя рукой в перчатке по визору.

— Тема, — прохрипел он, — выручай! У меня тут какая-то фигня... «Скорлупа» не гнется! Я уже перепроверил, ничего не заедает, а она не гнется в суставах и все тут! Чувствую себя дуболомом каким-то.

Артем подошел ближе, осмотрел локтевое сочленение скафандра Гоши, провел пальцем по гофрированному уплотнителю.

— Ты включил внешний режим, когда выходил? — спокойно спросил Новиков.

— Какой режим? — удивился Горелов.

— Тот самый, о котором на инструктаже говорили, чудило, — терпеливо пояснил Артем, — вот, видишь, этот сенсор на запястье?

Артем откинул щиток и нажал кнопку.

— Читай на визоре. Что написано? «Подогрев перчаток и сочленений. Включать при работах на поверхности». А ты не включил. Вот пластик и задубел. Гоша, ты чего? Это тебе не курорт.

— Да ты что! — воскликнул Горелов, и лицо его вытянулось от осознания собственной глупости. Его глаза бегали по невидимым для Новикова строчкам на визоре шлема. Спустя пару секунд Гоша с облегчением согнул руку, чувствуя, как возвращается подвижность.

— Ну все, — пробормотал он с кривой улыбкой, — теперь уж точно запомню. Спасибо, Артем. Вот позорище, а...

Артем только покачал головой и хлопнул его по плечу.

— Главное, что никто больше не увидел.

В шлюзе, когда они снимали скафандры, к Артему подошел Круглов.

— Ну что, Новиков, поделишься первыми впечатлениями? — спросил он, внимательно разглядывая новичка. Под взглядом глаз-буравчиков Артем поежился, собираясь с мыслями. Никакие красивые фразы в голову почему-то не лезли.

— Сурово, — честно ответил он. — Нет, красиво, конечно. Я же сто раз фильмы про Марс смотрел, но в реальности все совсем по-другому. Сурово, красиво, и... как-то правильно, что ли. Как будто я вот именно сюда всю жизнь и собирался. А теперь вот... долетел.

Круглов хмыкнул.

— Правильно, говоришь... Это хорошо, что правильно. Значит, есть хорошие шансы, что не только приживешься — тут у тебя вариантов-то нет, работу никто не отменял — а что вернешься сюда не раз. Главное — не расслабляйся, Дед правильно говорит. Понимаю, слова

мои скучно звучат, заезженно, но Марс ошибок не прощает, — Главный резко сменил тему. — Вещи твои где?

— Так я выгрузки не стал дожидаться, — растерялся Артем.

— Шустрая у нас молодежь, все бы вам бегом сразу на Марс... Ладно, пошли, лично покажу твою каюту. Цени!

Новиков оценил.

3

База была вся какая-то безлюдная, гулкая, странно пустая. Предыдущая вахта буровиков улетела пару дней назад, оставалось только несколько человек из смены поддержки, у которой был свой график — так что толкаться в коридорах и встречать новичков было особо некому. И всюду здесь были голограммы — объемные, висящие в воздухе указатели, маркеры, номера и метки. Удобно, хоть и непривычно.

Каюта Артема нашлась в жилом модуле «Восток», под номером семь. На двери была даже табличка с его фамилией сразу на двух языках — русском и английском. Ниже — виртуальная клавиатура замка, чуть мерцавшая над гладкой поверхностью двери.

— Английский-то зачем? — не удержавшись, спросил он Круглова. — Здесь же иностранцев нет.

Тот хмыкнул непонятно, потом пожал плечами.

— Сейчас нет, а потом, может, будут. База в каком статусе, помнишь?

— Международная.

— Ну вот. Порядок есть порядок.

Каюта Новикову понравилась. Это была небольшая комната три на два метра, но вполне уютная, все в ней было продумано до мелочей. Кровать с ортопедическим матрасом и системой принудительной вентиляции (чтобы не скапливался углекислый газ во время сна). Откидной столик с голографическим терминалом. Шкаф для личных вещей. Аварийный щит у двери: патрубки подключения кислорода, прибор ИДА, кнопки связи с диспетчерской. Никаких тач-скринов, старая добрая механика, такая не откажет.

Но самое главное — здесь был смотровой экран. Пусть и не настоящий иллюминатор, но какой вид, если включить!

— Сам видишь, прямо хоромы. Располагайся, — сказал Круглов. — Через час общий сбор в кают-компанию. Как следует познакомишься со всеми уже в «марсианской» обстановке, узнаешь распорядок.

— Семен Борисович, — окликнул его Артем, — а кроме экранов на базе обычные иллюминаторы есть?

— Есть несколько.

— А зачем? Безопасность же снижается. Поэтому на «Витязе» только экраны с камерами...

— Снижается, — легко согласился Главный, — но не критично. Зато другое повышается. Вот ты скажи — тебе нравится?

— Конечно, — кивнул парень, — все-таки открытое пространство, небо, просторы вон какие. Овраги вдали, холмы, гребни скальные... Красиво!

— Именно. Открытое. Значит, твое психологическое состояние улучшается. Настроение вверх, а не вниз, как если бы ты в закрытой коробке сидел.

Артему стало стыдно: мог бы и сам догадаться, объяснение-то простое. От смущения он перевел разговор на другую тему:

— Извините, а можно еще вопрос? Что с едой? На «Витязе» кормили так себе, — он окончательно смутился и торопливо добавил:

— Вы не подумайте, я не обжора, просто...

— Просто долго летел на «Витязе», — Круглов чуть усмехнулся, с пониманием. — Нормально с едой. Здесь кормят лучше, потому что на базе свой повар — Анна Петровна Кузьминых. Готовит, правда, из концентратов и тепличных овощей. Зато отлично готовит, с душой. Есть, кстати, и второй повар, на случай всяких там неожиданностей, правда, еще ни разу не пришлось ее умениями воспользоваться. Ты ее знаешь, это Нина Соболева, она же, в первую очередь, штатный медик базы. Что. Удивлен?

Артем кивнул.

— Предвидя твой очередной вопрос: как так, врача загружать поварской работой? — отвечу сразу. Нина, в основном, при необходимости присматривает за кухонной автоматикой и загрузкой продуктов по графику. Остальное делает Анна Петровна, да и то все процессы чаще всего обходятся без ее участия. Борщ здесь, правда, не как дома, но есть вполне можно. И чай без лимита — заваривай любой и пей, сколько хочешь, тем более что от фильтрованного воздуха постоянно пить хочется, проверено годами. Все, располагайся, через час жду.

Оставшись один, Артем разложил по полкам шкафчика свои немногочисленные вещи, потом внимательно осмотрел каюту. Повсюду обнаруживались следы пребывания предыдущих постояльцев. Ожидаемо. Кто-то давным-давно приклеил голографический стикер с эмблемой тюменского хоккейного клуба «Рубин». Кто-то написал маркером прямо на пластике: «Здесь был Костя из Рязани, 2140. Марс — сила!». А кто-то еще — оставил маленький бумажный кораблик, подвешенный на нитке к потолку. Артем несильно стукнул пальцем по кораблику, посмотрел, как тот вертится, и улыбнулся. Здесь жили люди. Настоящие, живые, со своими радостями, печалью и маленькими глупостями. Такие же, как он.

Новиков достал из сумки небольшую фотографию прапрадеда, ту самую, где Ефим Петрович Новиков стоял у буровой вышки в Мегионе, — и поставил на столик. Потом повесил на стену вымпел с гербом Новосибирска, подаренный друзьями перед отлетом. Кювета сразу стала немного роднее.

Первое, что поразило новичка, когда он вышел в коридор и направился в кают-компанию, традиционное место сбора команды — запах. Артем как-то подсознательно готовился к стерильной атмосфере из многократно отфильтрованного воздуха, пахнущего химией, но вместо этого его встретил густой, влажный, даже какой-то тропический аромат прелой листвы, сырой земли и чего-то цветочного. «А! — догадался он, спустя несколько секунд. — Это же „Восток“, здесь оранжерея рядом!» Все сразу стало понятно. Похоже, что система «Биосфера-7» — полностью замкнутый цикл жизнеобеспечения, гордость российской космической биологии, «кормилица» базы и предмет бесконечных забот ее главного смотрителя — работала на полную мощность.

Кстати, этого самого смотрителя Артем встретил буквально через десять минут, когда шел по коридору к кают-компании. Он даже вздрогнул от неожиданности, когда его за поворотом вдруг перехватил невысокий, сутуловатый человек лет шестидесяти с лишним, в заляпанном чем-то зеленым лабораторном халате, накинутом поверх стандартного комбинезона. У него были старомодные очки в тонкой металлической оправе, седые всклокоченные волосы, обрамлявшие небольшую блестящую плешь, и глаза, горевшие несколько пугающим огнем.

— Дайте-ка, я угадаю, юноша... Вы Новиков? — быстро спросил он дребезжащим голосом, бесцеремонно ухватив Артема под локоть. — Новенький наш, буровой мастер? Я Сорокин, из смены сопровождения... хотя можно сказать, что я тут совсем бессменный... да-с, так вот. Имя-отчество Павел Андреевич, заведующий оранжереей. Впрочем, все зовут меня Паландрейч, или даже «Мичурин», вот и вы не стесняйтесь, хе-хе. Идемте, я вам покажу нечто потрясающее. Идемте-идемте! Это займет буквально пять минут, но вы не пожалеете!

— Павел Андреевич, — осторожно начал Артем, уже понимая, что отвертеться от незапланированной экскурсии вряд ли получится, — меня Круглов ждет, уже вот-вот...

— Успеете! — отмахнулся Сорокин. — Наш Карась — человек понимающий, он сам мне говорил, что новичкам полезно видеть, ради чего мы здесь вообще находимся. Не-од-но-крат-но говорил! — назидательно проговорил смотритель. — Идемте, идемте!

Артем, как юноша, воспитанный в уважении к старшим, и, честно говоря, испытывающий любопытство ко всему новому, послушно позволил увлечь себя в боковой коридор, который вел в лабораторный модуль. При этом он машинально отметил, что Сорокин, видимо, тоже знает Круглова очень давно и на короткой ноге с Главным, потому что, как и Дед, запросто назвал того «Карасем».

«Пять минут» растянулись почти на полчаса.

— Вот, посмотрите! — в оранжерее Сорокин подвел Артема к отдельному контейнеру, в котором росло нечто разлапистое, напоминавшее миниатюрную пальму с широкими, мясистыми листьями. — Это мой главный успех. Гибрид финиковой пальмы и одного из видов алоэ, адаптированный к марсианской гравитации и пониженному атмосферному давлению внутри купола. Я назвал его «Феникс Королева». Вы только взгляните на эти листья — видите, какая плотная, мясистая структура? Они способны накапливать влагу из воздуха, как алоэ, и при этом фотосинтезируют с эффективностью, на сорок процентов превышающей земные аналоги. А главное — он цветет! Вы представляете? На Марсе, в двухстах миллионах километров от Земли, цветет пальма! И скоро мой гибрид даст первые плоды!

Сорокин говорил быстро, увлеченно, перескакивая с одной темы на другую. Он показывал Артему стеллажи с гидропоникой, салат, томаты, огурцы, всякую зелень, карликовые цитрусовые, генетически модифицированные папоротники и даже небольшую рожицу каких-то чахлах на вид деревьев, которые называл «марсианскими березками».

— А вот это, — он указал на грядку с бодро лезущими из-под земли ярко-зелеными ростками, — мой новый проект. Пшеница, адаптированная к марсианским условиям. Я уверен, что ее урожайность потенциально может превысить урожайность лучших земных сортов минимум на треть! Мы сможем печь свой хлеб. Свой, понимаете? Не вакуумированные сублиматы, а настоящий хлеб!

— Павел Андреевич, — Артем решился вставить слово, — а как вы вообще решили стать... марсианским ботаником?

Сорокин на мгновение замер, потом улыбнулся — мягко, почти печально.

— Я вырос в деревне, Артем. В Тверской области. Одна из последних деревень с классическим хозяйством, музей-заповедник. Мои бабушка с дедушкой жили там и работали, вели хозяйство и были смотрителями, экскурсоводами, в общем — на все руки. Бабушка, кстати, была уникальным человеком, она знаменитый на всю страну селекционер. Может, слышали — Варвара Александровна Чуйкова?

Артем сокрушенно помотал головой.

— М-да... Впрочем, у вас наверняка были совершенно другие интересы. Так вот, у моей бабушки был роскошный сад — яблони, вишни, смородина, ирга, целый выводок груш... И запах... ах, этот запах нагретой солнцем земли после летнего дождя! Я хотел, чтобы и здесь, — он обвел рукой оранжерею, — был такой запах. Чтобы люди, прилетающие на Марс, чувствовали себя не в стальной банке с обтянутыми пластиком стенами, а... как дома. Понимаете?

— Понимаю, — задумчиво ответил Артем. — Спасибо вам за это, Паландреич.

Сорокин просиял и, кажется, готов был продолжать экскурсию еще час, но Артем, взглянув на часы, понял, что опаздывает на сбор. Он извинился и почти бегом направился в кают-компанию. Желудок предательски урчал, напоминая, что обед был очень давно, а концентраты из кухонного автомата на «Витязе» — не самая сытная еда. Впрочем, Артем совершенно не жалел о времени, потраченном на внезапную экскурсию. Он понимал: каждый на этой базе был на своем месте и делал то, что умел лучше всего. И «чокнутый» ботаник, отказывающийся

улетать на Землю и продлевающий контракт раз за разом, был вовсе не чудилой, а такой же важной частью этого механизма, как и буровики, механики, врачи.

4

Первой, кого Новиков увидел, заходя в кают-компанию, стала моложавая, невысокая, но плотно сбитая женщина с добрым круглым лицом и седыми прядями в темных волосах. Она стояла у плиты и задумчиво смотрела на контейнер с замороженными овощами. Потом вздохнула и тихо, почти шепотом, сказала сама себе:

— Эх, картошечки бы настоящей, свежей... Вот чего мне не хватает, так это картошечки, только что выкопанной. Хоть бы разок... Мичурин-Мичурин, когда ж ты нас порадуешь?

«Должно быть, это и есть повариха Анна Петровна, тоже из сопровождающего персонала... Да, точно!» — догадался Артем. Женщина подняла голову и, заметив новое лицо, смутилась, но потом улыбнулась. Улыбка была приятной.

— Ох, я вас и не заметила... Добро пожаловать на базу, молодой человек. Да вы проходите, не стойте. Чаек сейчас будет, — сказала она, и снова захлопотала у кухонного комбайна.

— Спасибо, — Артем кивнул и пошел дальше, чувствуя внезапную острую вспышку тоски по дому. Ему вдруг стало ясно, что здесь тоска по Земле — такая же постоянная спутница, как и марсианская пыль.

В кают-компании уже собрались почти все. Круглов, поигрывая складной указкой, стоял у большого экрана, на котором отображалась схема базы и буровой. Артем, проскользнув тихо и незаметно (как он думал), уселся на свободное место рядом с Еленой, которая покосилась на парня, чуть прищурившись, и в ее взгляде Новиков увидел веселые искорки.

— Опаздываешь, Новиков, — негромко заметил Круглов. Конечно же, он все видел и все примечал.

— Виноват, Семен Борисович. Павел Андреевич меня... в общем, он немного увлекся.

По рядам пробежал смешок. Топаз хмыкнул в усы:

— А, и ты попался в цепкие лапы нашему Мичурину? Не переживай, Земля, он всех новичков так обрабатывает. Я в первый раз два часа про пальмы слушал, чуть не уснул стоя, только изо всех сил головой кивал с умным видом.

— Ничего смешного, — строго сказал Круглов, но уголки его губ все-таки дрогнули. — Павел Андреевич — очень ценный специалист. А теперь к делу.

Он подробно изложил распорядок дня, правила безопасности, график вахт. Говорил сухо, деловито, экономя слова, но было видно, что каждая фраза взята не из инструкций, а имеет под собой нешуточный реальный опыт. Потом Главный предоставил возможность высказаться остальным старожилам.

— Я, как механик, добавлю немножко, — поднялся Топаз. — Ребята, вот что хочу сказать. Техника здесь надежная, потому что наша, российская. Это раз. Но частично уже старая. Это два. Ремонт идет постоянно, так что по коридорам днем и ночью бегают «пауки», имейте в виду. Дальше. Марсоходы типа «Бык» — звери мощные, но местами капризные. Если услышите подозрительный шум в редукторе — сразу докладывайте мне, Шкиперу или Крюку, не ждите, пока колесо заклинит. И еще, это я уже водителям говорю: всегда следите за уровнем масла в компрессорах. Марсианская пыль — она везде, даже там, где ее быть не должно. Не уследите — застрянете на полдороги, приятного мало торчать в кабине, не снимая скорлупы. Вопросы?

— А скор... ну, скафандры? — спросил Гоша. — Я слышал, они иногда... разговаривают.

По кают-компанию прошла очередная волна смешков. Круглов поджал губы и покачал лобастой головой.

Топаз вздохнул.

— Нет бы по делу спросить... Что, Дед тебе уже нарасказывал ерунды? Олег, вот тебе стыдно должно быть сейчас. Запугал молодежь, понимаешь...

Дед с невинным видом пожал плечами. Елена тихонько хихикнула, прикоснувшись к локтю Артема пальцами.

— Ладно, — с досадой продолжал Топаз. — Суевериям здесь не место, но кое-что запомните. Скафандры — как люди, хоть это всего лишь оболочка. У каждого свой характер и норы. Да, вот так. Наука, как говорится, умеет много гитик, но кое-что даже современная наука объяснить не может до конца. Моя скорлупа, например, перед сложным выходом, если что-то обязательно пойдет не по плану, всегда скрипит шарниром в левом плече. Всегда. В другое время проверял — молчит. Да, смазывал. Я привык. Главное — перед выходом всегда проверяйте герметичность. Дед вам наверняка уже говорил, но я повторю: трижды проверяйте, под голосовую метку. Шлем, баллон, утепление перчаток. Мне не лень повторить еще раз, для всех. И никогда, слышите, никогда не выходите в одиночку. Даже если «я всего на пять минут и ничего не случится». Случится. Марс ждет, когда ты расслабишься.

После собрания Артем задержался в кают-компании. На одной из стен висел большой лист белого пластика, сплошь покрытый нарисованными цветными маркерами шаржами на всех членов экипажа. Шаржи были разной степени талантливости, но видно было, что старались от души. Круглов был изображен в центре, с огромными, круглыми как у рыбы глазами и подписью «Карась все видит». У Деда — длинная седая борода и витой посох, как у волшебника. Рядом Топаз — висячие усы, закрученные в сложные узоры, и гаечный ключ в руке, размером с него самого. Были и другие, но их Артем не знал.

— Это наша стена славы, — пояснил Дед, заметив интерес Новикова. — Каждая вахта добавляет что-то свое. Видишь вон тот вымпел? Это «Зенит» подарил, чемпионы России по футболу. Шикарный вымпел, с автографами всей команды и тренера. Как раз в тот год и прислали, с транспортником и записью. Поздравляли нас с рекордной добычей.

Еще Артема восхитило то, что в кают-компании стоял настоящий дубовый стол — причуда одного из первых начальников базы, легендарного Рината Хасанова — оплатившего доставку огромной трехсоткилограммовой столешницы за собственные деньги. На Земле транспортники выли и бились в конвульсиях, подсчитывая потерянные килограммо-места и рассылая жалобы во все концы, но Хасанов уперся и добился своего. Дед обещал как-нибудь поведать эту, как он выразился «историю, достойную быть воспетой в сагах». На стене над столом висела карта Марса, испещренная пометками и стрелками. Рядом, в металлической рамке — большая фотография: крепкий, улыбчивый человек стоит в бело-оранжевом скафандре на фоне буровой установки, подняв руку в приветственном жесте. Подпись: «Ратмир Юрковский. Первооткрыватель».

— Каждый вечер смотри на него, Артем, — сказал Круглов, подходя сзади. — Смотри. Надо помнить, какой ценой нам здесь все дается. А цена эта, скажу тебе, тяжкая.

5

Артем, который пил уже вторую кружку чая, сидел, рассеянно водя ладонью по теплой дубовой столешнице. Подошла Елена, села рядом, задумчиво глядя на марсианскую карту.

— Чаевничаешь? — спросила она.

— Чай не пил — откуда сила? — отшутился Новиков, вспоминая любимую поговорку отца. — Чай попил...

— Совсем ослаб, — с легкой улыбкой закончила фразу Елена. — У тебя в родне татар, часом, не было?

— Почему не было? — хмыкнул Артем. — Были, конечно. Наши, барабинские. У нас там такой плавильный котел, ого-го...

Помолчали.

— О чем думаешь? — спросил он.

— О том, что здесь все по-другому, — ответила Елена. — На Земле суета, все спешат туда-сюда, в небе полно аэролетов, кругом новости... Помнишь «Алису в Зазеркалье»? Там надо бежать со всех ног только для того, чтобы остаться на месте. А здесь — только работа и люди. И еще эта тишина снаружи. Она пугает и завораживает одновременно. Мне птиц не хватает, — вдруг призналась она, — только не смейся. Дома за окном липа растет, там целый выводок — синицы, свиристели, все щебечут...

— С чего бы мне смеяться? — удивился Артем. — Наоборот, очень тебя понимаю. Я сибиряк, птиц люблю. Вообще животных люблю: кошек, например... И что по-другому все, тоже согласен. Я сегодня, когда первый раз вышел наружу, то просто стоял и смотрел. А Топаз сказал, что сам чуть не замерз в первый раз, пока любовался на Марс. Хотя, казалось бы, чем там любоваться? Ни травы, ни облаков... Но завораживает.

— Топаз — хороший, — Елена улыбнулась. — И Дед хороший, и Круглов, и даже Гоша, хоть и болтун. Они все... настоящие. Я рада, что попала именно на эту вахту.

— Я тоже, — Артем посмотрел на нее и вдруг решил: — Лен, а можно вопрос? Личный.

— Попробуй, — Ковальчук поглядела на парня с интересом и повторила, — попробуй.

— Ты как-то, еще на «Витязе» обмолвилась, что на Земле тебе было тяжело, а здесь — легче. Почему?

Елена помолчала, подбирая слова.

— Потому что здесь все просто, понимаешь? Есть задача — ты ее выполняешь. Есть проблема или опасность — ты ее преодолеваешь, хотя, конечно, гораздо правильнее, если никакой опасности не будет. Опасность — это значит, что кто-то где-то что-то сделал неверно. Недосчитал, недокрутил, недопроверил. Ну, ты понял... Есть люди вокруг — ты им доверяешь, а они тебе, иначе никак. На Земле все сложнее. Там нужно соответствовать чему-то, играть какие-то роли, вписываться в установленные правила. А здесь можно быть собой. Со всеми своими страхами и странностями. Главное, никого не подвести.

— Понимаю, — обдумав ее слова, отозвался Артем. — Я тоже это чувствую. Самое главное, что мы тут по-настоящему нужны. Не как винтик в огромной машине, а... ну, как часть чего-то важного, наверно. Хотя нет, и как винтик тоже. Как же машине без винтика-то?

Оба одновременно рассмеялись, а потом окончательно замолчали, глядя на закат за броне-стеклом иллюминатора. Солнце садилось за горизонт, окрашивая чужое небо в немыслимые оттенки фиолетового и розового.

Чаепитие — это, конечно, хорошо. Но это отдых, а вообще-то жизнь на базе, несмотря на то что скважина в промежутке между вахтами была остановлена, подчинялась строгому распорядку. Подъем в семь утра по локаль-времени, душ, зарядка, завтрак, потом неизменный инструктаж, знакомство с состоянием оборудования, а после этого — двенадцатичасовая смена на буровой или в технических модулях. Сухой закон — ни капли спиртного, хотя в нем и так никто не нуждался, не было здесь таких «ископаемых», как выразился Дед. Никаких азартных игр — за этим следил не только Круглов, но и сами члены экипажа. Настолки, шахматы (любые, вплоть до русских четверных), шашки — это пожалуйста. Игротека на базе внушала почтение: здесь была даже дальдоза, в которую когда-то увлеченно рубились викинги, и древнеегипетский сенет. Дисциплина была железной, зато никакой ненужной бюрократии. Каждый знал свои обязанности и выполнял их, и это освобождало время для маленьких радостей.

По вечерам в кают-компании собирались свободные от вахты. Кто-то приносил гитару — старенькую, чуть ли не столетнего возраста, с потрескавшимся лаком, но с удивительно чистым звуком, — и тогда пели песни. Медик Нина Соболева отлично рисовала акварелью марсианские пейзажи. Шкипер пару раз очень выразительно читал вслух Ефремова — «Туманность Андромеды», и жаркую дискуссию о человеке будущего, которая как-то спонтанно организо-

валась после этого, пришлось разгонять Круглову, иначе спор грозил затянуться до глубокой марсианской ночи.

«Динозавры» Дед и Топаз из развлечений признавали только классические шахматы. Оба были готовы играть хоть круглые сутки, забывая обо всем, кроме работы.

— Шах! — торжественно объявлял Дед. — Заполучи, фашист, гранату! Сдавайся, Руслан, не позорься уже.

— Не дождетесь, — ворчал Топаз, двигая слона. — Я, знаете ли, на ваши оголтелые провокации отвечу решительным протестом. Ага! Вот тебе, получай.

— Эх, молодежь, — вздыхал Дед, демонстративно кашляя и изображая немощь, — никакого уважения к старости.

И только Круглов мучился. Перед самым стартом «Витязя» с Земли он решил бросить курить и теперь страдал от бессонницы и тоски по сигаретам. Главный литрами пил крепчайший чай и мрачно сопел, когда кто-нибудь подшучивал.

— Семен Борисович, может, вам нанопластырь никотиновый? — невинно спрашивал Гоша. — Или жвачку?

— Я тебе сейчас такую жвачку налеплю, — ворчал Круглов, — век помнить будешь.

Все смеялись, и даже сам Круглов уголком рта обозначал подобие улыбки.

— Нет, ну в самом деле, — укоризненно говорила Нина, — Семен Борисович! Во всем мире с курением успешно борются. У нас в стране вообще скоро сигареты только в музеях останутся. А вы...

— Нина! — гремел Круглов. — Вот только ты не начинай мне тут! — и, сопя, уходил в свою каюту, шелестел там пластиковыми страницами инструкций.

6

Наступила очередь Артема получить окончательный инструктаж на буровой. Поехал он туда вместе с Гореловым, хотя на самом деле, Гоша мог обойтись и без этого — должностные обязанности у него были совсем другие. Но любопытство-то куда девать?

«Кольская-М» стояла в двух километрах от жилого комплекса, поэтому добирались до нее на одном из двух марсоходов ТМ-15 «Бык» — мощном, тяжело бронированном вездеходе на шести огромных колесах. За рулем сидел Дмитрий Крюков, молчаливый и сосредоточенный. Круглов устроился на соседнем сиденье.

— Дима, а что это за рычаг? — с улыбкой спросил Гоша, указывая на тумблер с красной защитной крышкой.

— Аварийное отключение реактора, — шмыгнув носом, коротко ответил Крюк, подозрительно косясь на Горелова.

— А почему он без предохранителя?

— Потому что когда авария, тогда уже некогда предохранитель искать.

Улыбка Гоши увяла. Он нервно сглотнул и больше вопросов не задавал.

Буровая установка поразила воображение Артема. Он, конечно, и на Земле повидал многое, но это был не обычный куст или платформа — по курсу вездехода вырастал целый огромный завод, уходящий в небо Марса на сорок метров.

Круглов проводил инструктаж лично, и его громкий голос перекрывал шум установок вентиляции.

— Мы с вами находимся на кустовой площадке «Кольская-М». Если все ожидания и прогнозы реализуются — для чего мы и здесь — эта площадка станет опорной точкой нового промысла. Как вы знаете, сейчас на площадке заложены и частично пробурены две скважины — П-18, поисковая, на основании данных которой строились все представления о разбури-

емом участке, и Р-17, разведочная, главная задача которой — подтвердить наличие нефтяной залежи и, в идеале, обеспечить первую добычу.

Наши предшественники с прошлой вахты тоже не груши здесь околачивали. Они отработали на совесть — выполнили весь комплекс исследований, запланированный на П-18, и довели бурение Р-17 до границы продуктивного горизонта. Как вы знаете, — внимательный взгляд Круглова скользнул по сосредоточенным лицам, — полученные ими данные стали основой для продолжительных.. хм.. споров среди наших коллег-геологов. А споры породили ряд вопросов, на которые нам необходимо ответить перед тем, как приступить к финальной стадии проходки на Р-17.

Поэтому первая часть нашей вахты будет посвящена роторному бурению дополнительного исследовательского ствола на П-18 с отбором керна, проведении ряда исследований для уточнения геологической обстановки, а уже после окончания и анализа результатов — применении их на Р-17. Похоже на то, чем ты, товарищ Новиков, занимался на Земле?

Артем пожал плечами:

— Пока что да...

— Не обольщайся на этот счет, — неожиданно жестко сказал Круглов. — Похоже, да не то. Здесь все совсем иначе, и все вы скоро убедитесь в этом сами.

— Значит, потренируемся, — пробурчал Гоша за плечом Артема, тихо, как будто про себя, — вахта-то длинная.

Круглов чуть кивнул каким-то своим мыслям и продолжил:

— Поехали дальше... Буровая полностью автоматизирована. Основа — плавающая роторная система с верхним приводом. Мощность обеспечивает компактный реактор типа «Игарка». Но главная проблема — температурный режим. Средняя температура грунта минус шестьдесят, — это, считайте, вечная мерзлота с миллионами лет выдержки. Мы используем «Криосив-Нео» — незамерзающую жидкость на основе силиконовых масел и фуллереновых наночастиц. А чтобы она не загустела, каждая бурильная труба оснащена системой распределенного подогрева: внутри стенок впаяна спираль из нитинола. Подаем ток — труба греется по всей длине.

Артем подошел к стеллажу и провел рукой по трубе. Поверхность была гладкой, но под пальцами ощущались микроскопические выпуклости — датчики.

— Это «глаза бура», — пояснил Круглов. — Система мониторинга в реальном времени. Четыреста датчиков на каждый километр трубы. Давление, вибрация, акустическая эмиссия, магнитное поле. Все данные сливаются в «цифрового двойника», самообучающийся программный комплекс. Искусственный интеллект строит трехмерную модель скважины и предсказывает, где и когда, например, начнет сыпаться порода.

— А если искин ошибется? — спросил Артем. Главный пожал плечами.

— Не если, а когда. Искин ошибается, это факт, тем более что любой ИИ в целях безопасности раз и навсегда жестко урезан в правах. Ошибается часто, хоть и не фатально. Поэтому окончательное решение всегда остается за человеком. За тобой, Новиков. За мной. За каждым оператором, который сидит перед пультом. Запомни: машина — только помощник, а не замена. Твоя голова и твой опыт — вот что главное. За этим Земля нас сюда и послала. Сто лет назад на буровых так было, и сейчас, несмотря на технический прогресс, в этом плане мало что поменялось.

Потом Круглов подвел группу к отдельному боксу, где гудело что-то низкое и басовитое.

— А когда доходим до базальтовой плиты на глубине три километра, — продолжал он, — включается плазменный перфоратор «Заря-4». Электрическая дуга разогревает аргон до пятидесяти тысяч градусов, получается струя плазмы, которая не сверлит и не бурит породу, а испаряет ее. Скорость проходки — десять метров в час вместо двух метров в сутки при меха-

ническом бурении. Технологию разработал Краухин. Помните об этом, когда будете нажимать кнопку «Пуск».

— Мощь! — назидательно поднял палец Крюк. — Это вам не сковородку разогреть.

Артем слушал Главного, а сам думал о том, что полтора века назад, когда его прапрадед бурил первые скважины в Сибири, пределом мечтаний был надежный дизельный движок и буровые долота, которые не ломались через каждые десять метров. Сейчас у них в руках были плазменные установки, сверхчувствительные сенсоры, искусственный интеллект, управляющий процессом с точностью до миллиметра. Но при всем этом технологическом великолепии, при всех успехах автоматики, одно оставалось неизменным: без человека все это железо было мертвым и ненужным. Именно человек принимал решения в нештатных ситуациях, именно его опыт и интуиция позволяли справляться с тем, что не мог предусмотреть никакой ИИ. «Цифровой двойник» мог предсказать обрушение породы, но он не мог понять, почему вдруг изменился запах промывочной жидкости или почему вибрация колонны звучит «как-то не так». Это понимал только человек, который провел на буровой тысячи часов. И поэтому, несмотря на весь прогресс, рабочих рук и живых профессионалов на Марсе не мог заменить никто.

7

Вечером того же дня в кают-компании было шумно. Техник Валера «Валет» Устюжанин в углу, отгороженном под камбуз, жарил на электрогриле «марсолеты», то есть котлеты из напечатанной на биопринтере говядины, приправленные свежайшей зеленью с грядки.

— Укропчик что надо, живой, спасибо Паландреичу! — одобрительно ворчал он, орудуя ножом-сантоку. — Слышь, Земля, — Валет обратился к Артему, ловко переворачивая вилкой аппетитно шкворчащие куски. — Говорят, ты на Севере газ тянул?

— Было дело, — лаконично отозвался Новиков, который следил за очередной шахматной баталией Деда и Топаза. Дед, в который уже раз, безнадежно проигрывал.

— Север... — протянул Устюжанин. — Там небо, там дождь идет. А здесь я за три вахты видел дождь только один раз — когда на складе трубу прорвало.

За столом, на своем неизменном месте сидела Елена, которая сейчас отложила свой вечный планшет и внимательно слушала разговоры старожиллов. Артем все чаще замечал, что в спокойной обстановке она перестает изображать «снежную королеву» и остается просто сосредоточенной. Когда Гоша начал в лицах изображать, как они с Артемом ловили друг друга в невесомости, Елена вдруг рассмеялась. Смех у нее оказался неожиданно звонким и совсем девчоночьим.

— У тебя, Артем, руки золотые, — вдруг сказала она, отсмеявшись. — Ты береги их.

— К чему это ты? — недоуменно переспросил Новиков. Настроение Елены невозможно было предугадать: вот, вроде бы, совсем недавно они с ней запросто делились личными переживаниями, а теперь она снова ушла в себя, так что и не подступиться.

— К тому, что пыль кругом, — «геологиня» потерла пальцы, словно стряхивая невидимую крошку. — Марсианская пыль — это не земная грязь. Строго говоря, это вулканическое стекло с примесью окиси железа и перхлоратов. Это тебе не песочек откуда-нибудь из Сахары, который подмел, вытряхнул и забыл. Она проникает в сочленения скафандра, разъедает резину, оседает в легких, если фильтры не дай Бог... Стирает все покрытия не хуже абразива. Короче, о чем я? Всегда проверяй стыки перчаток.

— И ты туда же? — Артем вздохнул. — Я скоро Крюка попрошу мне татуировку такую сделать, на правой руке. Потянулся за кружкой с чаем — и читаешь: «Всегда проверяй...» Можно даже нараспев, как в церкви.

Ковальчук серьезно развела руками, но глаза ее смеялись:

— Обращайтесь, товарищ Новиков.

— В кого? — спросил Артем без задней мысли. Кают-компания грохнула смехом. Отхотав, Топаз поднял кружку с чаем:

— Желаю нам всем обратиться в настоящих мастеров своего дела, ребята. А сейчас — за Краюхина. За Юрковского. За Быкова. И за всех, кто не вернулся.

Все встали и молча сделали по глотку ароматного «ассама». Даже вечно голодный Гоша перестал жевать свое печенье.

Дни шли. Артем, как и все прочие новички, постепенно втягивался в марсианский ритм. Поначалу было трудно: чужая гравитация играла недобрые шутки с вестибулярным аппаратом, мышцы ныли, непривычным был вид из иллюминатора. Но постепенно он привыкал — молодость, режим и тренировки взяли свое. Плюс шли витаминные комплексы и специальная фармакология, за которую отвечала доктор Соболева.

Утром — обязательная зарядка, завтрак, потом, если полевой выход, недолгая дорога на «Быке» до буровой. Смена — двенадцать часов за пультом П-18, бдительный контроль всех параметров, постоянная готовность к нештатным ситуациям. Напряжение выматывало так, что вечером, после возвращения и ужина, Артем валился с ног, с трудом поддерживая беседу. Спать, спать, чтобы утром начать все сначала...

Однажды вечером, стоя у экрана в своей каюте и глядя на восходящий Деймос, он подумал о том, что заплатил за всю эту красоту не такую уж и малую цену — заплатил разлукой с Землей, с родными и друзьями. Но цена была оправдана. Здесь, на красной планете, Новиков чувствовал себя на своем месте. А друзья дождутся.

«Железо одинаковое», — говорили когда-то дед и отец. Но здесь, на Марсе, это железо «пело» иначе, чем в Заполярье. Плазменная установка «Заря», «умные» автоматы, цифровой двойник — да, это мощь, конечно. Но здесь была не просто добыча нефти. Это была словно бы симфония человеческого разума, который сумел выйти в дальний космос, и начал со всем свойственным человеку упорством осваиваться в этом космосе как у себя дома. Пусть пока что только в Солнечной системе, да и то лишь на Луне, Марсе и самую малость в поясе астероидов. Но уже готовились экспедиции на спутники Юпитера, были утверждены проекты долгосрочных орбитальных баз у газового гиганта.

Симфонию писали такие же люди как он, Артем Новиков из Новосибирска. Это их портреты висели на стене, их подписи были нацарапаны на пластике, их кораблики качались под потолком каюты.

Работа — завтра. А пока можно было просто сидеть и смотреть, как над бескрайней марсианской равниной угасает холодный чужой закат.

ГЛАВА 3. ЦИФРОВОЙ СЛЕД

«Напоминаем, что все системы искусственного интеллекта на объектах Внеземелья должны соответствовать Женевским протоколам 2089 года. Любое отклонение в работе нейромодулей, так же, как и любая попытка обойти ограничения, квалифицируются как чрезвычайная ситуация и намерение преступного характера. Операторы, задействованные в управлении ИИ, обязаны проходить ежемесячную переаттестацию. Человеческий контроль — единственная гарантия против повторения коллапса 2088 года».

(Из внутреннего меморандума Министерства цифрового развития РФ, 2141 год)

1

Гоша Горелов проснулся не от сигнала побудки, а от странного ощущения, как будто кто-то смотрит ему в затылок из угла у двери. «Чушь какая, приснится всякая дрянь». Он резко повернулся в кровати, откинул одеяло и сел, едва не ударившись головой о низкий потолок каюты — вечная проблема для людей, привыкших к земным габаритам в условиях марсианской тесноты. Горелов сонно уставился в пустой угол, где, разумеется, никого не было. Только мерно мигал зеленый индикатор системы вентиляции, отбрасывая на пластиковую стену бледные, призрачные блики, да где-то за переборкой монотонно гудел водяной насос, создавая не прекращающийся ни на минуту низкочастотный фон, к которому на базе привыкаешь за первые же сутки, а потом, если он вдруг затихает, никак не можешь уснуть. Тишина всегда означает, что отрубилось что-то важное: вентиляция, опреснители, системы регенерации воздуха... Тишина — значит опасность.

До официального подъема оставалось еще двадцать минут, но Гоша знал, что уже не заснет. Так было всегда, когда предстояло что-то важное — а сегодня был именно такой день. Первый день бурения на скважине Р-17, той самой, которую Елена Ковальчук с непонятным упорством называла «сыром с дырками» и на которую возлагались большие надежды всей марсианской программы. Гоша спустил ноги с кровати, поежился, ощутив босыми ступнями холодный пластик пола, рассеянно попытался пальцами расчесать всклокоченные волосы песочного цвета, которые в невесомости торчали во все стороны, а в марсианской гравитации и атмосфере базы просто выглядели так, будто никогда не знали ни воды, ни расчески. Потом оглядел свою каюту, знакомую уже до последней мелочи.

Если каюта Артема Новикова, которую Гоша видел мельком, поражала почти спартанской аккуратностью — только фотография прадеда да вымпел Новосибирска, — то его собственное жилище напоминало склад технической документации и запчастей, попавший в бурю. Повсюду горами валялись распечатки схем автоматики и буровой установки, графики калибровки датчиков, исписанные мелким почерком блокноты с расчетами. На откидном столике громоздились пустые тюбики из-под полевых концентраторов и упаковки от питательных батончиков — Гоша имел привычку жевать что-нибудь во время работы, не замечая, сколько съел. К счастью, любые лишние калории тут же сгорали в его тощем теле без малейших последствий, не прибавляя к весу Горелова ни грамма.

Рядом с терминалом лежала наполовину перепаянная плата управления от старого марсоходного навигатора — Гоша пытался понять, почему в условиях марсианской пылевой бури стандартные алгоритмы фильтрации сигнала дают сбои, и надеялся придумать что-то свое, более хитрое. На стене, приклеенная кусочком изоленты, висела голографическая открытка с видом Екатеринбурга — панорама городского пруда, плотина, высотки делового центра, стоянка авиатакси. Эту открытку ему подарила мама перед отлетом, и Гоша, который вообще-то не был сентиментальным, почему-то берег ее как зеницу ока.

Он потянулся, чувствуя, как хрустят позвонки — марсианская гравитация, тридцать восемь процентов от земной, с одной стороны, делала движения легче, а с другой — заставляла мышцы атрофироваться, и поэтому ежедневные двухчасовые тренировки в спортблоке стали для него, обычно ужасного лентяя, как и для всех остальных, суровой необходимостью. Потом Гоша, понимая, что откладывать подъем больше нельзя, со вздохом встал, натянул комбинезон с нашивкой «Горелов П. А., инженер-телеметрист», и направился в крошечный санузел, где умылся холодной водой из регенерированного контура. Теплой не было — Топаз обещал сегодня разобраться с неполадками, но пока что пришлось довольствоваться тем, что есть. Вода пахла чем-то химическим — обычное дело для замкнутой системы переработки, но к этому Гоша давно привык. Чистая — и ладно. Он посмотрел на себя в зеркало — худое, немного помятое после сна лицо с отпечатавшимся на щеке рубчиком от подушки, вечно растрепанные волосы, светло-голубые глаза, в которых сейчас, если присмотреться, читалась тревога, тщательно скрываемая за маской вечной иронии.

«Ну что, товарищ Горелов, — сказал он своему отражению, — сегодня ты либо подтвердишь, что не зря сюда прилетел, либо Круглов съест тебя с потрохами. Поправка: даже не съест, а сожрет. В общем, второй вариант крайне нежелателен».

2

Георгий Горелов, который вообще-то тихо ненавидел имя «Гоша», попал на Марс не случайно — хотя сам до сих пор иногда не верил в свою удачу. Он родился и вырос в Екатеринбурге, в семье потомственных инженеров: отец работал в одном из оборонных подразделений огромного концерна «Уралмаш-Евразия», проектировал системы ориентации для космических аппаратов; мама — там же, но в отделе контроля качества. С детства Гоша был «гиком» в лучшем смысле этого слова: мальчик разбирал и моментально, с поразительной точностью собирал все, что попадалось под руку, от старых часов до отцовского ноутбука, а в школе выигрывал олимпиады по физике и информатике с такой легкостью, что учителя только разводили руками и пророчили подростку великое научное будущее.

Само собой, родители хотели, чтобы он пошел по их стопам, на оборонку, но Гоша выбрал другое направление — телеметрию и «большие данные», да еще и в нефтегазовой отрасли. Его умного лентяя, всегда завораживала идея: вот ты сидишь в кабинете, смотришь на экраны и мониторы, а в это время где-то за тысячи километров, под землей или под водой, по твоим командам буровой снаряд вгрызается в породу. Это было похоже на управление космическим кораблем, только вместо звезд — пласты базальта и известняка. Не зря же одной из самых любимых книг Гоши еще с шестого класса были «Победители недр» Адамова — сначала цифровые строчки на экране электронной книги, а потом — старинный истрепанный томик, пахнущий бумажной пылью. Горелов любил читать с бумаги, в этом они со Штурманом были очень похожи.

После университета Гоша попал на Штокмановский подводный добычный комплекс — одно из самых сложных и опасных мест для работы. Именно там, в условиях вечной тьмы Баренцева моря, вчерашний выпускник разработал алгоритм, который позволил почти на тридцать процентов повысить точность прогнозирования аварийных ситуаций. Алгоритм анализировал тысячи параметров в реальном времени и находил крошечные отклонения, которые человеческий глаз просто не замечал, а стандартные системы мониторинга отбрасывали как белый шум.

После этого его заметили, пригласили в Звездный, и, как говорилось в одном старом-престаром рассказе, «все заверте...» Через год подготовки он уже летел на «Витязе» к Марсу, все еще не веря, что это происходит с ним, а не с героем какого-нибудь фантастического романа.

Сейчас, шагая своей разболтанной походкой по коридору базы «Королев» к резервному центру управления бурением, Гоша на время отвлекся от формул и расчетов. Он рассеянно думал о своих новых коллегах.

Артем Новиков ему нравился — спокойный парень, немногословный, но видно было, что за этой молодостью и внешней невозмутимостью скрывается огромный опыт и умение принимать решения в критических ситуациях. Конечно, Гоша не формулировал свои мысли так книжному. «Артем ничего, молоток вообще! Круто справился с утечкой, а нос не задирает», — размышлял он. То, как спокойно и быстро Артем заварил трещину на «Витязе», впечатлило даже видавших виды ветеранов. Вслух, они, конечно, этого не говорили, но было видно.

А вот Лена Ковальчук была загадкой — красивая, умная, успевшая многое повидать... но держалась отстраненно, словно боялась подпускать к себе людей. Правда, недотрогой она была не всегда — Гоша замечал, как она и Новиков частенько разговаривают, сторонясь остальных, и делал свои выводы, но помалкивал.

Дед, Топаз, Шкипер — ну что тут скажешь? Все это были люди-легенды, на которых держалась вся база, о таких людях книги сочиняют и передачи по визорнету снимают.

А вот Жаров... При мысли о Сергее Жарове Гоша невольно нахмурился. Инженер по системам жизнеобеспечения, худощавый, какой-то зажатый, с вечно виноватым лицом и бегающими глазами, он казался Гоше... странным. Не опасным, нет. Просто странным. Как будто на марсианской базе такому человеку было совсем не место. Да, специалист хороший, дело свое вроде бы знает, вряд ли на «Королева» взяли бы за красивые глаза. Но... Жаров слишком много суетился, слишком часто оказывался в местах, где его быть не должно, и слишком быстро отводил взгляд, когда его о чем-то спрашивали. «Стоп. Да чего я заморачиваюсь-то? Что за шпиономания? Может, у человека просто такой характер, — думал Гоша. — Не всем же быть открытыми и веселыми, так не бывает. Но все равно... что-то в нем не то. Скользкий тип. Не то и не так. Ладно, Горелов, пока нет повода, не забивай себе голову ерундой!»

3

Резервный центр управления бурением находился в отдельном модуле, соединенном с жилым комплексом коротким герметичным переходом. В конструкции центра была одна особенность: кроме усиленной изоляции и тройной бронезащиты, весь модуль опирался на антивибрационные демпферы, которые гасили любые колебания почвы. Сделано это было для того, чтобы обеспечить максимальную точность показаниям многочисленных датчиков и исключить любые искажения. Просторное по меркам базы помещение, метров пять на шесть, с низким потолком, было сплошь заставлено пультами, обычными и голографическими экранами. Вдоль стен тянулись стойки с оборудованием — серверы «Цифрового двойника», блоки резервного питания, системы связи. Точно щупальца какого-то кракена, от оборудования змеились толстые пучки экранированных кабелей. В центре возвышался главный пульт — массивная конструкция из матового титана, с десятками сенсорных панелей, индикаторов и старомодных, но зато безотказных ручек аварийного управления. Чистая механика мирно соседствовала здесь с гаптическими системами и самыми современными цифровыми технологиями. Над пультом висел главный голографический экран, на который выводилась трехмерная модель скважины в реальном времени. Сейчас, до начала бурения, модель была статичной — цветные слои пород, предсказанные по сейсмическим данным, и тонкая пунктирная линия планируемой траектории. По бокам от главной картинке помигивали непрерывно обновляющиеся разделы с данными.

Когда коротко прошипела входная дверь, закрываясь за Гореловым, навстречу ему от экранов повернулись Круглов и Шкипер. Похоже, эти двое были здесь уже давно. Круглов, как всегда, был собран и сосредоточен — он стоял у пульта, просматривая какие-то данные на своем планшете, и даже не обернулся, когда Гоша вошел. Шкипер, молчаливый и мрачный,

сидел в углу на откидном стуле и, казалось, дремал, но Гоша знал, что этот человек способен вскочить и начать действовать за долю секунды, если потребуется.

— А, Горелов, — не оборачиваясь, произнес Круглов, — удивительно, но ты даже вовремя. Садись за пульт телеметрии. Обычно все это делается на буровой, но сегодня подкалибруем «Двойника» под Р-17 отсюда. Тем более, что перед началом бурения это совсем не помешает. Данные предварительного сканирования я тебе скинул. Посмотри и скажи, что думаешь.

Гоша, взъерошившись от незаслуженной обиды — когда это он в последний раз опаздывал-то? — кивнул и занял свое место за боковым пультом — тем самым, который он уже начал считать «своим». Перед ним развернулась панорама из нескольких голографических экранов: спектры вибраций, акустическая эмиссия, температурные поля, магнитные аномалии. Все это великолепие данных (которое для человека постороннего должно было, конечно, представлять собой жуткий винегрет из разноцветных линий, графиков и непрерывно меняющихся чисел) вскоре превратится в единую картину, которую «Цифровой двойник» обработает и выдаст прогноз.

«Цифровой двойник» был уникален. Гордость российской инженерной мысли. Это была не просто компьютерная модель, а самообучающееся кластерное сообщество, по своей структуре напоминающее грибной мицелий — обученное на тысячах реальных аварий и чрезвычайных ситуаций, записанных за многие десятилетия бурения на Земле, Луне и Марсе. Искин знал, как ведет себя порода при разных давлениях и температурах, как реагирует буровая колонна на вибрацию, как меняется состав промывочной жидкости, как должна работать автоматика при контакте с газогидратами. Но при всем своем совершенстве «Двойник» оставался лишь инструментом, к тому же подчинявшимся жестким ограничениям, подобно другим нейросетям. Слишком многое в прошлом люди позволяли своим цифровым слугам — и это многое едва не привело к уничтожению человечества, которое ухитрилось пройти буквально по лезвию ножа. Так что ограничения были жизненной необходимостью, оплаченной кровью. И они же были величайшей слабостью искусственного интеллекта. Слабостью, которая требовала человеческого контроля.

«Двойник» мог держать под своим контролем тысячи параметров, мог подсказать и направить, мог выполнять сложнейшие программы — но он не понимал контекста, не чувствовал того, что опытные буровики называли «запахом беды», а главное, не мог принять нестандартное решение в нештатной ситуации. Для этого нужен был человек-оператор. Сейчас таким человеком, отвечающим за интерпретацию данных, был Гоша. Человек, которого в свое время ругала мама: «Сын! Как ты можешь хоть что-то отыскать в бардаке, который называешь своей комнатой?!»

Удобно расположившись в кресле оператора, он загрузил данные предварительного сканирования Р-17 и запустил процесс штатной калибровки. По экрану побежали строки кода, замерцали и обновились графики. Горелов внимательно следил за ними, изредка внося коррективы — где-то поднять чувствительность датчика, где-то изменить порог срабатывания предупреждения. Работа была кропотливой, почти медитативной, и Гоша погрузился в нее с головой.

Через час к нему подошел Круглов и поставил рядом пластиковый стаканчик с горячим кофе.

— Держи вот, пока я добрый. Сам о себе не позаботишься, никто и не вспомнит. Ну что там, Горелов? Как «Двойник», готов к работе? — Главный, как всегда, не тратил время на болтовню.

— Почти, Семен Борисович, — ответил Гоша, не отрываясь от экрана. — Все параметры в норме, датчики и мониторинг в пределах расчетных маркеров. Но...

— Не тяни ты кота за... эти самые, — проворчал Круглов. — Чего там?

— Есть одна странность. Вот здесь, — оператор ткнул в участок экрана с изображением сейсмического профиля на глубине около четырех тысяч метров, приблизил его и отцентрировал, — точечные аномальные засветки. Амплитуда отраженного сигнала на тридцать процентов выше расчетной. Искин считает это паразитным шумом и предлагает игнорировать. А мне кажется, что-то там есть. Пустота или слой с аномальной плотностью. Вот чую я, не все так просто...

Круглов наклонился к экрану, вглядываясь в графики.

— Чуешь, значит? Чуйка — это хорошо... Ковальчук тоже говорила что-то похожее. Ладно, пока оставь пометку. Посмотрим, что покажет реальное бурение. Но чуйке ты, Георгий, доверяй. У нас-то, стариков, она называется опытом, а вот у вас, молодых, — талантом. И то, и другое нужно беречь, понимаешь?

Горелов кивнул, чувствуя гордость от этой скупой похвалы. Круглов, сам Главный назвал его Георгием! Не Гошей, как все остальные. Значит, ценит. Начальник редко кого хвалил, и поэтому каждое его одобрительное слово ценилось на вес марсианской нефти.

4

В обеденный перерыв Гоша, убедившись, что калибровка идет по графику, отправился в кают-компанию. «Обед, братцы, это святое, даже на войне», — говаривал его отец, и сын был с ним в этом совершенно согласен.

В кают-компании уже собрались почти все свободные от вахты: Артем и Елена сидели за одним столом, что-то обсуждая вполголоса (Гоша заметил, как они иногда поглядывают друг на друга, и мысленно усмехнулся: «Спелись, похоже, голубки наши. Хотя кому я завидую? Совет да любовь, как говорится, да лишь бы работе не мешало. На Марсе даже любовь — дело государственной важности»), Дед и Топаз, как всегда, рубились в шахматы, а Нина Соболева, врач, раскладывала, сидя за своим столиком, на подносе пищевые кубики с витаминными добавками — она строго следила за здоровьем экипажа, и тех, кто пропускал прием, ждала взбучка. Гоша аж содрогнулся, вспоминая процедуры, которым Нина подвергала таких несчастных.

Гоша взял себе порцию гречневой каши с тушеным соевым мясом (вкус был так себе, хоть Анна Петровна и старалась. Соя есть соя, но зато сытно) и уселся рядом с Дедом.

— Дед, слушай, а Расскажи еще что-нибудь про Марс? — попросил он, жуя. — Ты в прошлый раз про «Красный шепот» рассказывал, про «Черный лед». А есть еще что-нибудь, о чем новичкам знать положено?

Дед, не отрываясь от доски, где его ферзь угрожал ладье Топаза, хмыкнул.

— Есть, Гоша. Про «Поющий песок» слыхал? — он понизил голос и добавил в него заунывной дрожи. Топаз рассмеялся и двинул вперед ладью.

— Нет. Что за песок такой?

— А вот такой. В районе плато Меридиана, — Дед сделал свой ход и, не глядя, взял кружку с чаем, — есть строго локализованный участок пустыни, где песок, когда ветер дует, издает звук, похожий на орган. Низкий такой, гудящий, а потом вдруг высокий, звонкий. Прямо токката и фуга, чистый Бах. И не просто набор случайных звуков, понимаешь? Нет, именно музыкальное произведение, хоть сейчас бери и отправляй на конкурс... Мы сначала думали, глюки у всех разом случились. А потом поставили микрофоны, записали. Все так и есть. Лежит эта запись под грифом «Для служебного пользования», но ты, как участник экспедиции с допуском уровня ноль-два, можешь, конечно, ознакомиться.

— А в чем секрет? — вдруг спросил Новиков, который, как оказалось, тоже внимательно слушал.

— Секрет, как оказалось, в том, что песчинки на этом участке плато — особой формы, ограненные, как крошечные кристаллы. Когда они трутся друг о друга под определенным углом, возникает резонанс. Красиво, но жутко. Как будто сама планета поет.

— И что, это все? — разочарованно спросил Гоша, ковыряя ложкой свою кашу.

— Все, да не совсем, — спокойно ответил Дед. — Вроде бы чего проще-то? Вот тебе ветер, вот форма песчинок. Игра природы, миллионы и миллиарды лет случайностей, так? Только вот форма эта, как оказалось — не природная. Слишком правильная. Как будто кто-то эти песчинки специально огранил. На сегодняшний день классифицировано шестьсот сорок две разновидности песчинок с того участка плато Меридиана, который ограничен размерами в сто тридцать шесть на сто двадцать девять метров. Эти шестьсот сорок две разновидности повторяются, больше никаких других песчинок там нет. И за миллионы, или сколько там лет прошло, эти песчинки никуда не разлетелись и не смешались с другими, самыми обычными. Понимаешь, к чему я?

Гоша почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он вспомнил маркер-аномалию на сейсмике Р-17, вспомнил слова Елены про «пустоты», и ему вдруг стало не по себе. Марс хранил слишком много загадок, и чем глубже они бурили, тем больше этих загадок всплывало на поверхность.

— Ладно, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал беспечно, — поживем — увидим. Может, и мы что-нибудь эдакое откопаем.

— Откопаете, — мрачно пообещал все это время молчащий Топаз, двигая ферзя. — Только потом не жалуйтесь. А ты пока что кашу свою докопай, археолог. Шах тебе, Дед.

5

После обеда Круглов «внезапно» объявил учебную тревогу. Вообще-то, это была его обычная практика: что на «Витязе», что здесь, каждый день, в самое неожиданное время, он имитировал какую-нибудь нештатную ситуацию, заставляя экипаж действовать быстро и слаженно. «Ну все, Карась из тины всплыл!» — бурчали работники, но подчинялись, стараясь выполнять свои обязанности как можно лучше. А что делать? Для себя же, не для кого-то чужого.

Сегодня сценарий был такой: выброс газа на буровой П-18, «грифон», угроза разрушения внутрискважинного оборудования, необходимость экстренной эвакуации персонала и дистанционного глушения скважины.

Услышав надсадный вой сирены, Гоша бросился к своему пульта в центре управления. На голографическом экране уже мерцали красные строки:

**<ДАВЛЕНИЕ В ЗАТРУБНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЫШЕ
НОРМЫ.
УТЕЧКА ГАЗА. СРАБАТЫВАНИЕ ДАТЧИКОВ
ЗАГАЗОВАННОСТИ>**

Щелкали реле блокировки, выпуская из специальных отсеков ремонтных роботов. Каждый раз, слыша эти щелчки во время тестовых прогонов, Горелов иронически похмыкивал — настолько нелепыми казались механические устройства посреди царства сенсорики и виртуальных переключателей. Но сейчас он вдруг понял — это не старье, это последний рубеж обороны. Как в сказке про бой на Калиновом мосту.

Сердце забилось быстрее, хотя Гоша понимал, что это всего лишь симуляция. Но Круглов умел делать свои учебные тревоги такими реалистичными, что забыть об условности было легко.

— Горелов! — раздался в наушниках голос Круглова. — Не спи! Данные телеметрии! Где параметры утечки?

Гоша лихорадочно забегал пальцами в контакт-перчатках по сенсорным панелям, окружая себя облаком графиков с датчиков давления и акустической эмиссии. Он видел, как на трехмерной модели скважины расцветает красное пятно — зона аномального давления. Нужно

было точно определить, на какой глубине произошел выброс. Искин невозмутимо вывел первичную оценку, вывесил ее прямо поверх паутины облачных данных.

— Ай, спасибо, мой железный друг, — буркнул себе под нос оператор, не прекращая свои пассы. — Глубина три двести! — доложил он. — Интервал три двести — три двести пятьдесят. Разгерметизация обсадной колонны в районе муфтового соединения. Газ мигрирует вверх по затрубному пространству.

— Принимаю, — голос Круглова был возмутительно спокоен. — Аварийной бригаде — эвакуация. Шкипер — готовь дистанционное глушение.

Гоша продолжал следить за данными, ухитряясь периферийным зрением охватывать практически весь инфомассив. И вдруг... Это было почти незаметно, какая-то секунда, но Горелов заметил, что один из датчиков показывает не совсем то, что ожидалось. По логике симуляции, давление в затрубье должно было расти равномерно, но на графике был небольшой провал — словно газ нашел какой-то дополнительный путь для выхода. Гоша нахмурился. Это могло быть ошибкой в симуляции, а могло — и реальной особенностью скважины, которую ИИ сперва не учел, а потом попытался встроить в общую систему.

Пару мгновений он колебался, потом быстро ввел коррекцию и доложил Круглову. В ответ из интеркома послышалось ворчание Караса, которое можно было понимать, как угодно. Но, похоже, в нем было одобрение.

— Молодец, Горелов, — сказал Главный, когда тревога была отменена. — Заметил нюанс. Но все равно, слишком уж долго ты думал. Пока спишу на молодость и неопытность. Вот только в реальной ситуации эти секунды могли стоить жизней. Запомни: на Марсе спешка — смерть, но и промедление — тоже. Банальщину говорю? Ну извини, за что купил, как говорится — за то продаю. Ищи баланс, Георгий. Ищи.

Гоша кивнул, чувствуя, как горят уши. Он понимал: Круглов прав. Надо учиться. «Сто тысяч раз эти тесты прогоню!» — яростно подумал он.

6

Вечером, когда все разошлись по каютам или собрались в кают-компанию на традиционные посиделки, Гоша остался в центре управления один. Можно было спокойно уйти, никто бы и слова не сказал, но ему очень нужно было закончить калибровку «Двойника» перед завтрашним началом бурения. Так он сказал Топазу, но на самом деле Горелов хотел заодно еще раз проверить ту самую аномалию на глубине четырех тысяч метров, которая не давала ему покоя.

Он снова загрузил данные предварительного сканирования и запустил углубленный анализ. Надел на лицо маску виртуал-контроля, полностью отсекая себя от внешних раздражителей, привычно вздрогнул, когда перед глазами завертелись фракталы оптической подстройки глазных нервов — не самые, конечно, приятные ощущения, сразу начинает неудержимо тошнить, и тут главное — перетерпеть эти несколько секунд... На этот раз Горелов полностью отключил автоматическую фильтрацию шумов и отсек от интерпретационного анализа искин, чтобы увидеть сырые данные.

И то, что он увидел, было очень странным.

В сейсмическом профиле, на глубине четыре тысячи сто двенадцать метров, отчетливо проступали засветки зон с аномально низкой плотностью. Это была не просто «дырка в сыре», как такие места любила называть Елена. Засветки образовывали структуру — правильной, почти геометрической формы. Прямоугольник с закругленными углами, размером примерно сто пятьдесят на двести метров. Слишком правильный, чтобы быть природным образованием.

Гоша откинулся на спинку стула и потер глаза. Он не был геологом, но даже ему было ясно: такие структуры точно не возникают сами по себе. Либо это какая-то неизвестная науке форма карста, либо... Очень хотелось верить в то, что на глубине четырех километров под

марсианской пустыней, скрывается нечто, созданное не капризом природы. С другой стороны, сто лет назад на фотографиях Марса ученые на полном серьезе находили лица и пирамиды, а потом все это оказалось просто игрой природы и теней.

— Либо это сенсация, либо дураят нашего брата болваны электронные, — вслух сказал он в тишине. — Ох, дураят...

Горелов еще некоторое время прокручивал данные, размышляя, стоит ли рассказать кому-нибудь об увиденном. Решил: только не Круглову. Потом снял маску, проморгался от остаточных фрактальных узоров перед глазами, и сделал пометку в журнале: «Обсудить с Ковальчук. Возможно, артефакт искусственного происхождения. Требуется дополнительное исследование». Потом сохранил все данные на защищенный носитель и выключил терминал.

7

В коридоре, по пути к своей каюте, Гоша, к своему удивлению, столкнулся с Жаровым. Сергей стоял у технического люка, ведущего в вентиляционную шахту, и что-то делал с панелью управления. Увидев Гошу, он вздрогнул и быстро захлопнул панель, съежившись и пряча лицо.

— Сергей, ты чего не спишь? — спросил Гоша, стараясь, чтобы голос звучал непринужденно. — Второй час ночи же, все честные люди давно баиньки. А ты крадешься по коридорам, как шпион.

— Да какой шпион, скажешь тоже... Вот, фильтры проверяю, — торопливо ответил Жаров, и Гоше опять показалось, что техник слишком быстро отводит взгляд. — Пыли много после бури, боюсь, забьются. И бессонница у меня. Накрутил за ужином кофемашину, сварила мне слишком крепкий эспрессо... Вот и маюсь сейчас. А ты чего бродишь?

— Работал. Завтра бурение начинаем, надо было кое-что проверить. Серега, ну какой эспрессо на ночь глядя-то? Ты чего чудишь? Я понимаю, мы с тобой молодые, но режим-то соблюдать надо.

— Ой, ну как будто ты сам его всегда соблюдаешь! — возмутился Жаров. Теперь он выглядел более уверенно, даже приободрился. — Ворчишь как пенсионер!

— И то правда. Ну тогда вот о чем подумай, кофеман: у Круглова тоже бессонница от недочура. И вот если ЭТОТ пенсионер тебя здесь поймает — мало не покажется.

— Это точно, — вздохнул опять приунывший техник. — Что-то я и в самом деле... В общем, ладно, пойду я. Ну, бывай. Утром увидимся.

Он быстро, пару раз оглянувшись на ходу, пошел по коридору в сторону жилого модуля, и Гоша заметил, что даже шаги у коллеги какие-то дерганные, нервные. «Станный он все-таки, — подумал Гоша. — Вечно один, вечно что-то проверяет. И глаза бегают. Может, просто невралгик? А как тогда его вообще сюда взяли? На Марсе такие долго не живут, нервы сдают. А может...»

Он со злостью оборвал сам себя. Нечего ерунду городить. Шпионы, как же! Может и правда эспрессо виноват. Ну подумаешь, крепкий кофе на ночь, мало ли у кого какие странности. У каждого свой способ справляться со стрессом. Вот он, Горелов, например, жует без остановки и болтает без умолку. Есть такая слабость, глупо отрицать. Дед травит свои бесконечные побасенки. Круглов чай гоняет сутками и литрами. Жаров... А что — Жаров? Жаров проверяет фильтры по ночам. Тоже вариант, не хуже прочих.

8

В своей каюте Гоша долго не мог уснуть. Ворочался на кровати, так и сяк перекладывал тощую жесткую подушку, потом просто глядел в потолок, где кто-то из предыдущих жильцов приклеил маленькую звездочку из светоотражающей пленки — такую же, как в каюте Артема, а может, и ту же самую, переклеенную чьей-то заботливой рукой, — и думал.

Думал о завтрашнем дне, о скважине Р-17, об аномалии на глубине. О том, что они, возможно, стоят на пороге открытия, которое изменит все. О том, что Марс — это не просто холодная пустыня, а планета с историей, древней и, возможно, трагической. Или это все ерунда, а полость — это просто причуда геологии. Потом подумал, что Круглов, Дед, Топаз, Шкипер — давно уже сыты такими приключениями по горло, но делают свое дело, потому что так надо. Потому что тайны тайнами, открытия открытиями, а страна, которая их сюда отправила, ждет марсианскую нефть и отговорок не принимает.

Потом, уже засыпая, он подумал о себе. О том, как мальчик из Екатеринбурга, любивший разбирать всякие гаджеты и читать фантастику, однажды оказался здесь, на Марсе, в двухстах миллионах километров от дома. О том, что он, Георгий Горелов, инженер-телеметрист, наконец-то доволен собой. Еще бы — делает важное дело! Настолько важное, что от него, от его внимательности, от его умения видеть то, что не видят другие, зависит многое.

За иллюминатором медленно угасал марсианский закат — полоса фиолетового света над оврагами Терры Киммерии. Гоша закрыл глаза и разом, как в колодец, провалился в сон. Ему снилось, что он, прямо так, без корабля, раскинув руки летит над кратерами и плато, а внизу, под толщей породы, ворочается что-то огромное и непонятное. Которое зовет его по имени — тихо, почти неслышно, но настойчиво. «Видишь нас? Слышишь нас?».

«Слышу... А кашу я завтра возьму в столовой другую, вкусную», — совершенно невпопад подумал он уже во сне.

ГЛАВА 4. ГОЛОС БЕЗДНЫ

«Сложные органические молекулы, обнаруженные в марсианских метеоритах, долгое время считались результатом абиотических процессов. Однако новые данные сейсмического зондирования позволяют предположить существование на глубине крупных резервуаров с веществами, которые могут иметь биогенное происхождение. Вопрос о том, является ли это следствием древней жизни или ее предшественником, остается открытым и требует прямого исследования».

(Из статьи «Биогенные углеводороды на Марсе: гипотезы и факты», журнал «Астро-биология», №3, 2149 год)

1

Марсианский рассвет наступал медленно и как-то даже торжественно. Планета будто нехотя пробуждалась от долгого, холодного сна, длившегося миллиарды лет.

Сначала край горизонта, там, где красноватая пустыня встречалась с фиолетовым небом, налился тусклой, почти болезненной голубизной. Потом этот цвет начал расползаться вширь, захватывая все новые и новые участки небосвода, и на его фоне проступили неровные, изломанные скальных гребней, обрамляющих глубокие овраги и расщелины, которые помнили времена, когда по Марсу еще текли реки, а атмосфера была достаточно плотной, чтобы удерживать тепло. Пылевая взвесь, всегда присутствующая в марсианском воздухе, рассеивала свет, создавая эффект гигантского купола, под которым лежала мертвая, но все-таки завораживающе красивая в лучах рассвета пустыня. Звезды, еще недавно яркие, бледнели и исчезали одна за другой, уступая место Солнцу — холодному и неяркому здесь, висящему в пустоте над вымершим миром.

Артем Новиков стоял у обзорного экрана в своей каюте и смотрел на этот рассвет, чувствуя, как внутри него борются два чувства: восхищение новичка перед неизведанным («Целая планета!») и глухое, ноющее беспокойство, которое он гнал от себя, но которое возвращалось снова и снова. Он вспоминал слова Деда о том, что Марс не прощает ошибок, опять, сам того не желая, прокручивал в голове байки о «Красном шепоте» и «Черной метели». Вспоминал историю Юрковского, погибшего в скважине со словами: «Здесь есть жизнь. Только она не такая, как мы думали». И чем ближе был час начала бурения на Р-17, тем отчетливее он чувствовал: сегодня точно что-то произойдет.

— Да сколько можно себя накручивать! — процедил Новиков сквозь зубы. — Соберись! Что за упадничество? Вот чертов Дед, байками своими всю голову мне забил, от каждого чиха дергаюсь. Камни, песок и пустыня, бояться нечего, смотреть не на что... В Гоби было так же.

В Гоби, конечно, все было совсем не так. Но Артем уже решительно ткнул в сенсорную кнопку, выключающую экран. Рассвет погас, оставив темноту, и парень с облегчением оторвался от бессмысленного любования пейзажем. Больше не мешкая, он надел комбинезон и вышел в коридор. База «Королев» уже просыпалась: слышались шаги, приглушенные голоса, где-то в техническом модуле мерно гудел реактор. В кают-компании Анна Петровна уже раскладывала завтрак — на каждом подносе одноразовые контейнеры с овсяной кашей и сырниками, привычные витаминные кубики «от Нины», зелень из оранжереи, и, конечно же, горячий сладкий чай — как всегда без нормы. Артем взял свою порцию и сел за стол, где уже сидели Елена Ковальчук и Гоша.

— Доброе утро, — сказала Елена, поднимая на него глаза. Вид у нее был усталый — она снова работала допоздна, изучая образцы из Эллады и данные сеймики. — Как спалось?

— Так себе, — честно ответил Артем. — Все думал о сегодняшнем дне. Есть у меня предчувствие...

— О-о, старик! Рискуешь! Предчувствия — это не научно, особенно для Круглова, который верит только в то, что получено эм-пи-ри-чес-ким путем, — усмехнулся Гоша, но тут же добавил: — Хотя знаете, я сам всю ночь ворочался. И вот что странно? «Цифровой двойник» тоже какой-то нервный. Я сегодня рано утром прогнал еще одну симуляцию — он снова выдал предупреждение о возможной аномалии на глубине четыре тысячи сто метров. Ровно там, где у нас та самая «дырка» на сейсмике, о которой мы сейчас с тобой, Лена, говорили.

— Что за предупреждение? — спросил Артем. Про «дырку» он уже знал, потому что Горелов вчера, после долгих колебаний все-таки решился и сбросил ему отчеты сканирования.

— Да не конкретное, в том-то и загвоздка. Просто пометил зону как «потенциально опасную для продолжения бурения». А потом сбросил маркер. И снова выставил. Как будто искин... сомневается, что ли. Я такого раньше не видел. Обычно он выводит вполне конкретные предупреждения: «риск обрушения», «вероятность выброса», плюс проценты и корреляция данных. А тут — абстрактная «опасность». Как будто сам не понимает, с чем мы можем столкнуться.

Круглов, вошедший в кают-компанию с кружкой своего знаменитого крепчайшего чая, услышал последние слова.

— Искин и не обязан все понимать, Горелов, — сказал он, грузно усаживаясь за стол и помешивая ложкой в дымящемся дегтярно-черном отваре. Ножки стула, которые здесь не были привинчены как на «Витязе», взвизгнули по полу, и Главный поморщился. — Он — инструмент. Да, хороший. Да, это дополнительные глаза и уши. Но не мозг, и об этом мы сто раз говорили на инструктажах и лекциях. Мозг — вот он, — Круглов постучал себя по лбу. — И если «Двойник» говорит «опасно», значит, мы будем вдвойне осторожны, но доверять на сто процентов все равно будем только собственным глазам и ушам. При этом не надо забывать, что, кроме природных и технических опасностей, могут быть и другие.

— Какие? — недоуменно спросил Артем. Главный покосился на него и нехотя ответил:

— Нефть нужна не только нам, Новиков.

— Но... — начал было Гоша, однако начальник поднял широкую ладонь и легонько, но весомо прихлопнул по столешнице, поставив точку в споре.

— Но работу не отменяем. Москва ждет нефть, а нас с вами ждут метры и гигабайты. Готовность тридцать минут. Не засиживайтесь.

2

Дорога до буровой занимала около двадцати минут. Рабочая лошадка — марсоход «Бык» — шел как обычно, ровно, мягко переваливаясь на ухабах и без натуги преодолевая сложные участки рельефа. Мощный двигатель шелестел еле слышно, как и положено движку, который любят и регулярно перебирают.

Артем сидел рядом с водителем. Шкипер — на этот раз он сменил Крюка — вел машину молча, не отвлекаясь на разговоры. Механик-водитель даже не поднял заслонку своего триплекса — гнал марсоход уверенно и даже вроде бы небрежно, лишь изредка бросая короткие взгляды на навигационный экран. В салоне, кроме них, были еще трое — Елена, Гоша и сам Круглов. Главный решил проверить «молодежь» в настоящей работе, у Ковальчук были свои соображения, которыми она ни с кем, кроме шефа, не поделилась. Впрочем, никто и не спрашивал — геология дело тонкое, и что там почему и зачем, разберется не каждый. Остальные сменщики должны были подъехать позже, на втором марсоходе.

Огромные колеса «Быка» с титановыми грунтозацепами мерно перемалывали красный реголит, оставляя за собой широкую колею, которая, впрочем, уже через несколько часов будет занесена вездесущей пылью. За бортами марсохода проплывал однообразный, но никогда не

надоедающий пейзаж, отображающийся на внутренних экранах: бескрайняя равнина, усеянная камнями самых причудливых форм, за миллионы лет отполированными ветром и песком, и далекие скалы на горизонте, почти затерянные в дымке. Небо над головой было уже не фиолетовым, а светло-розовым с желтоватым отливом — цвет, который Артем никогда не видел на Земле и который каждый раз вызывал у него странное тянущее чувство.

Буровая установка «Кольская-М» показалась из-за бархана внезапно, надвинулась на восьмиколесную машину, сразу показавшуюся крошечной, раскидывая сплетения труб, словно гигантский металлический паук, вцепившийся в поверхность планеты. Ее сорокаметровая вышка уходила в небо, а рядом с ней громоздились цистерны с «Криосивом-Нео», контейнеры с бурильными трубами и жилой модуль для вахтовиков, которые могли оставаться здесь на несколько суток, не возвращаясь на базу. Все это хозяйство было окружено периметром из датчиков движения и автоматических турелей. Датчики — стандартная мера безопасности на случай пылевых бурь, а вот турели, о которых в первый раз Артем с изумлением и оторопью узнал на инструктаже, теперь, после утреннего разговора, стали очень даже понятным средством защиты от возможного появления незваных и недружелюбных гостей.

Внутри буровой было шумно, каждый полезный сантиметр пространства здесь был занят какими-нибудь механизмами. Стоя в ожидании подъемника, Новиков подумал, что именно так, наверно, выглядела изнутри та самая атомная подлодка, на которой служил прапрадед. Человек несведущий мгновенно потерялся бы среди манифольдов, маховиков, труб и указателей с непонятными цифрами. А еще все это скопище механики, гидравлики и автоматики — шумело на разные голоса. Гул систем вентиляции смешивался с лязгом антипылевых заслонок, а тот, в свою очередь, сплетался с низким, вибрирующим звуком работающих насосов, закачивающих промысловую жидкость в скважину.

Рубка управления размещалась на самом верху основного бурового комплекса (выше была только ажурная конструкция вышки), и, в принципе, мало чем отличалась от резервного центра. Такое же не очень большое помещение с такими же панорамными голографическими экранами, занимавшими всю переднюю стену. На этих экранах в реальном времени отображалась трехмерная модель скважины, графики давления, температуры, вибрации, акустической эмиссии — сотни параметров, за которыми должен был следить оператор. Перед экранами стояли кресла операторов — массивные, с амортизаторами, массажными валиками и встроенными сенсорами, непрерывно считывающими биометрию, чтобы вовремя заметить признаки усталости или стресса. Рядом — пульта телеметрии, связи и управления вспомогательными системами. Все тысячу раз знакомое по симуляторам и тренажерам. Но сейчас все настоящее.

Когда Артем, Гоша и все остальные вошли в рубку, их встретил голос — спокойный, лишенный эмоций, но при этом какой-то удивительно «живой». Это был ИИ буровой, которого все называли просто «Гефест», хотя его официальное наименование звучало куда более громоздко: «Интегрированная система управления опорным пунктом бурения и геологоразведки, поколение 5, версия 7.2.4». В отличие от «цифрового двойника», полномочия этого искина были гораздо шире. Артем не раз ломал голову, пытаясь понять, почему ИИ называли в честь древнегреческого бога-кузнеца, пока однажды, после его недоуменного вопроса в кают-компании, Дед со смехом не ответил:

— Тема! Вот вечно ищешь ты загадки там, где их нет. Представляешь, Земля, я тебе открою страшную тайну: его так называли, потому что другая компьютерная программа случайным образом выдала это название. Любят у нас что военные, что конструкторы разные красивые имена. «Гиацинты» всякие, «Акации» ... А выпало бы что-то другое — ну и был бы сейчас у нас искусственный интеллект «Афродита», переправили бы ему голос на женский, да и все дела. Эх ты, исследователь очевидного-невероятного!

Артем отлично помнил, как в первый раз познакомился с «Гефестом» — это было во время бурения второго ствола П-18, — и как с удивлением узнал, что назначение искина выходит далеко за рамки собственно бурения и скважинной разведки. Как любезно пояснил сам «Гефест», под формулировкой «опорный пункт» подразумевалась собственно база «Королев» сама по себе, а буровая «Кольская-М» являлась просто ее удаленным рабочим модулем. Так что «Гефест» участвовал не только в работе буровой, но и в управлении базой, хотя эту его вторую специализацию особо не афишировали. «Ничего себе, — несколько растерянно подумал тогда Новиков, — а нам-то рассказывали на лекциях...»

«Гефест» был разработан российскими учеными специально для марсианской программы и представлял собой вершину развития технологий искусственного интеллекта, какими они стали к середине двадцать второго века. Конечно, он не был разумен в человеческом смысле — не обладал самосознанием, не испытывал эмоций, — но его способность к анализу данных, прогнозированию и принятию решений в стандартных ситуациях превосходила возможности любого человека.

И все-таки без человека он оставался всего лишь набором нолей и единиц.

— Доброе утро, операторы, — произнес «Гефест», когда Артем занял место за пультом. — Расконсервация скважины завершена. Все системы буровой установки функционируют в штатном режиме. Температура промывочной жидкости — шестьдесят два градуса Цельсия, вязкость в пределах нормы. Давление в затрубном пространстве стабильно. Прогноз проходки на ближайшие четыре часа: двадцать метров в час при механическом бурении, после достижения базальтового слоя рекомендуется переход на плазменный перфоратор.

Дальше были еще числа, цифры и советы. Артем слушал этот ровный бесполый голос и невольно вспоминал лекции в Новосибирском университете нефти и газа. Старый профессор Воронцов, седой, совсем уже ветхий и прозрачный, с дрожащими руками, но преподавательской хватки с возрастом не потерявший ни на грамм, рассказывал им о том, как развивались системы управления бурением на протяжении последнего столетия.

— Вплоть до начала двадцать первого века, — говорил он, расхаживая по виртуальному амфитеатру аудитории и тяжело опираясь на старомодную трость, — бурильщик мог полагаться в основном на свой опыт и интуицию. Компьютеры только начинали внедряться, и доверия к ним было мало. Потом появились первые автоматизированные системы, которые могли подсказать оптимальные режимы бурения. Потом — нейросети, обученные на тысячах реальных схем, ситуаций и аварий. А к середине века мы пришли к тому, что ИИ может вести бурение полностью автономно, от начала до конца. Но, — тут профессор назидательно поднял палец, — полностью заменить человека искусственный интеллект так и не смог. Все вы знаете, какие трагические события произошли потом, и как непросто людям было буквально из пепла восстанавливать утраченные позиции во многих отраслях науки и не только... Но это не тема нашей лекции. А тема вот в чем: любой сегодняшний ИИ, несмотря на функционал самообучения, пусть и урезанный — не понимает контекста, даже если вам кажется, что это не так. Он мониторит тысячи показателей, но не чувствует, когда вибрация становится «какой-то не такой», когда запах промывочной жидкости меняется едва уловимо, и буровой мастер говорит: «Носом чую, пробку хватанули». Когда порода начинает вести себя не так, как предсказывает модель... Это понимает только человек, который провел на буровых много лет. Мы изобрели квантовые компьютеры и космические полеты. Но мы так и не смогли устранить из уравнения одну переменную, — констатировал Воронцов, — которая превратилась в константу. Эта константа — человек. Люди. Вы.

Артем на собственном опыте убедился в правоте профессора, когда работал на Штокмане. Однажды тамошний искин предложил изменить траекторию бурения, основываясь на данных мониторинга и формальных расчетах, но Артем, почувствовав что-то неладное,

настоял на дополнительном анализе — и оказалось, что они чуть не вошли в зону аномально высокого пластового давления, что могло привести к выбросу. С тех пор он относился к искинам с уважением, конечно, но без слепого доверия.

— «Гефест», — сказал он, наклеив на шею прозрачную гибкую пластинку «трепача», как на жаргоне нефтяников назывался микрофон, — доложи о состоянии датчиков на глубине четыре тысячи метров.

Краем глаза он увидел, как напрягся Жилин, повернул голову Круглов, и как Гоша Горелов недоуменно вздернул плечи. Но Артем должен был убедиться еще раз.

— На указанной глубине фиксируется аномалия плотности породы, — ответил ИИ. — Отклонение от прогноза составляет тридцать два процента. Рекомендуется дополнительное сейсмическое зондирование перед продолжением бурения.

— Интересно, — задумчиво сказал Гоша, усаживаясь в кресло соседского пульта и нахлобчив на голову сетку нейроконтактов, — все-таки аномалия, значит.

— А ты говоришь — предчувствия не научны, — хмыкнул Артем.

3

Первые несколько часов бурение шло в штатном режиме. «Кольская-М» методично вгрызалась в марсианскую породу, и «Гефест» докладывал о параметрах каждые пятнадцать минут. Артем, который сначала волновался, постепенно встроился в рабочий ритм и теперь следил за графиками, только иногда корректируя скорость вращения ротора или давление промывочной жидкости, но в целом все шло ровно. Елена сидела в углу рубки, воткнув планшет в разъем, соединяющий его с главным компьютером, методично, одну за одной, изучала сейсмокарты и время от времени сверяла их с какими-то своими записями и данными, поступающими с глубины. Круглов удобно устроился прямо за спиной Артема, целиком погрузившись в чтение полученных от Топаза аналитических документов по какому-то постороннему проекту. Он молчал, но сейчас это молчание действовало успокаивающе — оно означало, что пока все под контролем.

Артем бросил взгляд на цифры, мигающие в углу голографического экрана: с момента начала проходки прошло три часа семнадцать минут. Для него, впервые оказавшегося на марсианской буровой не в качестве стажера или отрабатывающего занятия на тренажере, а как полноценный оператор, все эти часы были до краев наполнены особым, почти осязаемым напряжением — тем самым, какое испытываешь, когда делаешь знакомую работу в совершенно новых, непривычных условиях. Вроде бы все то же самое, что и на Земле: ротор, бурильная колонна, промывочная жидкость, датчики. Но здесь, на Марсе, каждый звук воспринимался иначе, каждая цифра на экране имела другой вес, потому что за ней стояла не просто очередная скважина, а огромная, неизведанная планета, которая за два миллиарда лет своего безмолвия накопила столько загадок, что хватило бы на десяток поколений исследователей. Пусть физика та же, а геология подчиняется одним и тем же законам — но при этом все другое.

Остроты ощущений добавляла легкость в теле от пониженной марсианской гравитации, которая хоть и почти перестала уже ощущаться в силу привычки, но сейчас почему-то снова дала о себе знать.

— «Гефест», — негромко, но отчетливо сказал Новиков, обращаясь к ИИ, с которым уже вроде как сработался, — дай текущие параметры по интервалу глубин от трех тысяч семисот до четырех тысяч метров. Особенно интересует температурный градиент и акустическая эмиссия.

— Выполняю запрос, оператор Новиков, — отозвался искин своим бесстрастным, лишенным интонаций голосом, который звучал точно так же, как и в симуляторах Звездного городка. — Температурный градиент в указанном интервале составляет 2,3 градуса Цельсия на

сто метров, что на пятнадцать процентов выше среднего значения по данному региону. Акустическая эмиссия — фоновая, без признаков микротрещинообразования. Прогноз стабильности породы на ближайшие четыре часа — благоприятный.

— Понял, — кивнул Артем и повернулся к Гоше. — Ну, что мы видим? Температура в пределах нормы. Но дальше, на глубине, мы можем упереться в зону аномального теплового потока. Сталкивался с таким?

— Только в симуляциях, — отозвался Гоша, не отрывая взгляда от своих графиков.

— На Штокмане, конечно, все было попроще, там ИИ просто сигналил, а решение принимал старший оператор, — вздохнул Артем.

— Жаль, что мы там с тобой не пересеклись, — вздохнул Горелов.

— Ну, понятно, почему. Ты же на пару лет позже меня универ окончил.

Круглов за спиной Артема непонятно хмыкнул.

— И что там с тепловым потоком? — спросил вдруг он.

Артем внутренне напрягся, но ответил спокойно:

— Это значит, что форсировать охлаждение не нужно, — не ожидая ответа Главного, он переключил несколько тумблеров на пульте, физически ощущая, как отличается эта работа от всего, что он делал раньше. На земных платформах, на «Приразломной» или на Сахалине, можно было выйти в машинный зал, услышать шум механизмов, почувствовать вибрацию палубы под ногами, стоя на ледяном ветру. Здесь, на Марсе, центр управления был герметичным, изолированным миром, где о процессах, происходящих в недрах, можно было судить только по цифрам и графикам. — «Гефест», пересчитай прогноз с учетом коррекции.

— Прогноз пересчитан, — мгновенно отозвался ИИ. — Температура промывочной жидкости остается в расчетных параметрах. Запас по вязкости сохранится в полном объеме.

— Принято, — Артем еще раз окинул взглядом панель управления, проверяя, не упустил ли чего. Круглов молчал. Покопавшись в своих ощущениях, Новиков вынужден был признать, что ритм работы на «Кольской-М» его поражает. Там, на старых платформах и шельфовых комплексах, с жестко урезанным в правах ИИ — бурильщик, как полководец, глядящий на расстановку сражения, был вынужден постоянно держать в голове десятки параметров и вручную корректировать работу множества систем. Здесь же, на марсианской буровой, человек выступал скорее стратегом, принимавшим ключевые решения на основе данных, которые «Гефест», получивший неслыханную «волю», собирал, анализировал и подавал в максимально удобоваримом виде.

Искусственный интеллект управлял ветвями процессов: он с точностью до миллиметра выдерживал траекторию бурения, он автоматически корректировал состав промывочной жидкости в зависимости от типа проходимой породы, он контролировал вибрацию колонны и сотни других параметров, которые человеческий мозг просто не способен отслеживать одновременно. Но окончательные решения по ключевым позициям всегда оставались за человеком. И именно это, как понимал Артем, было самым трудным — особенно здесь, где каждая ошибка могла стоить не просто срыва плана, а жизнью.

Он задумчиво покачал головой.

— Знаешь, Артем, — Гоша откинулся на спинку кресла и потянулся, хрустнув суставами, — я тут подумал: а ведь то, что мы сейчас делаем, еще сто лет назад показалось бы чистой магией. Помню документалку, где один спец, который на «Приразломной» работал в середине прошлого века, рассказывал, какие у них были приборы, какое оборудование... А потом я вспомнил, как у них бурильщик вручную крутил вентиль и на слух определял, как идет проходка. На слух, Артем! Вот оно, мастерство! А у нас тут полным-полно разного — тут тебе и сенсоры, и роботы, и искин с расширенным самообучением и плазма, которая режет базальт, как горячий нож масло. И все равно так получается, что эта махина без нас не работает.

— И? — вопросительно отозвался Артем.

— Я в том смысле, что решать-то — нам.

— Потому что программа, даже самая крутая, не чувствует никакой ответственности, — ответил Артем, не отрываясь от экрана, и сам удивился тому, как уверенно прозвучал его голос. Еще месяц назад он раз за разом представлял в темноте каюты, как будет сидеть в рубке марсианской буровой и какие решения ему придется принимать. И уж точно не мог подумать о том, что будет обсуждать такие вещи как нечто само собой разумеющееся. — Она не боится ошибиться. А мы еще как боимся. Не-ет, я тебе вот что скажу: «Гефест» может хоть тысячу раз объявить, что все в порядке, но, если мне что-то покажется подозрительным, я все равно перепроверю.

— А потом приду и перепроверю я, — ворчливо вклинился в их разговор Круглов. — И еще раз перепроверю за вами, охламонами. Так уж мы, люди, устроены.

Гоша с Артемом дружно рассмеялись.

— Слушай, — спросил Горелов, — у вас же профессор Воронцов тоже читал лекции?

— Читал, — кивнул Новиков, следя за графиками на экране.

— Помнишь, он рассказывал про концепцию «человеко-машинного симбиоза»? Да ты должен помнить! Он всегда так горячился, как только этой темы касался... Мы всей группой боялись, что пол пробьет своей тростью.

— Он ее сломал один раз.

— Да? Черт, надо было мне тогда с Сашкой Кудрявцевым поспорить... ну да ладно. В общем, Воронцов говорил, что, мол, идеальная система — это не полностью автономный робот и не полностью ручной труд, а именно связка человека с ИИ, где каждый делает то, что у него получается лучше. Мы — стратегия, интуиция, ответственность. ИИ — тактика, расчет, скорость реакции. По отдельности мы вроде как оба неполноценны, а вместе — сила. Я тогда думал, что он просто красиво говорит. Все-таки старая школа, люди всегда на первом месте и все такое... А теперь, вот здесь, — он обвел рукой рубку, — я понимаю, что старик-то был абсолютно прав. Интересно, он жив еще?

Артем молча кивнул, и в этот момент «Гефест» подал голос:

— Внимание. Достигнут интервал глубин три восемьсот метров. Рекомендуется переход на плазменный перфоратор «Заря-4». Базальтовая плита прогнозируется в интервале три девятьсот — четыре тысячи сто метров. Механическое бурение на указанном интервале неэффективно.

— Уф-ф. Дождались светлого праздничка, — Артем повернулся к Круглову, который не спеша, молча поднялся из своего кресла. — Семен Борисович, разрешите переходить на плазму?

Круглов, отложив аналитику в сторону, медленно кивнул, не сводя глаз с главного экрана, на котором трехмерная модель скважины подсвечивалась разными цветами в зависимости от плотности породы.

— Добро. Начинаем операцию замены турбобура. И оба будьте внимательны — на этих глубинах может быть все что угодно.

Помолчал и добавил свое извечное:

— Марс, он, знаете ли, сюрпризы любит.

В его голосе Артему почудилась странная, едва уловимая нотка — не то тревога, не то мрачное предчувствие, — и парень невольно поежился, прежде чем отдать «Гефесту» команду на активацию плазменного перфоратора. В конце концов, Круглов был здесь далеко не в первый раз, и, если уж он говорил, что на этих глубинах может быть «все что угодно», к этому стоило прислушаться.

— «Гефест», остановка бурения, — отрывисто сказал Новиков.

— Принято.

— Выполнить продувку скважины от жидкости. Извлечь буровую колонну. Заменить турбобур на плазменный перфоратор. Пересобрать колонну с учетом дополнительных силовых кабелей.

— Подтверждено. Начинаю выполнение последовательности операций.

Он мог бы просто приказать искину выполнить операцию по установке плазменного перфоратора, но подробности были нужны Круглову, который сейчас оценивал, как справляется оператор.

Следующие сорок минут Артем попросту бездельничал, ожидая, пока будет завершена установка плазмы и спуск в скважину заново собранной трубной колонны. Он подумал, что раньше такая сложная работа занимала несколько часов. Сейчас роботы справлялись быстро, но ждать все равно приходилось.

— Последовательность операций завершена, — бесстрастно доложил искин.

— Переход на плазменный перфоратор разрешаю.

— Принято.

Внезапно в рубке послышался низкий, утробный вой — это заработала система ионизации аргона, разогревая газ до температуры в пятьдесят тысяч градусов. На голографическом экране появилось изображение ствола скважины, подсвеченное ослепительным сиянием плазменной струи. Скорость проходки резко возросла — «Гефест» докладывал о десяти, двенадцати, пятнадцати метрах в час.

— Снижение сопротивления породы... Проникновение в нефтяной пласт! — голос искина хлестнул, как электрический разряд. Елена хлопнула в ладоши, Шкипер победно вскинул вверх сжатый кулак.

И вдруг, в одну секунду, все изменилось.

Сначала на графике акустической эмиссии появился странный всплеск — короткий, но очень интенсивный, словно кто-то в глубине ударил гигантским молотом. Потом дрогнула метка датчика давления промывочной жидкости. А еще спустя мгновение «Гефест» произнес фразу, которая заставила всех на миг остолбенеть:

— Внимание. Зафиксирована массовая потеря промывочной жидкости, резкий спад циркуляции. Давление в скважине падает. Высокая вероятность карста. Прогноз вскрытия полости — девяносто семь процентов. Аварийная остановка бурения.

— Стоп! — рявкнул Круглов. — Перекрыть превентор!

Артем дернул вниз горящий рубиновым огоньком рычаг ручной аварийной остановки. Но «Гефест» уже исполнял свою же команду — тот самый случай, когда искин имел право принять решение сам.

Плазменный перфоратор отключился, вой стих, но на смену ему пришел другой звук — шипение, доносившееся, казалось, из самого устья скважины. Из-под превентора начала сочиться черная, вязкая жидкость, перемешанная с газом.

— «Гефест», после оценки опасности отбери образец, дегазируй, проведи спектрометрический газоанализ, — резко приказал Круглов.

— Выполняю. Оценка проведена. Пробник предоставлен. Анализ выполняется... Обнаружены сложные углеводородные соединения с высоким содержанием ароматических циклов и примесью неизвестных минеральных и органических молекул.

В углу пульты открылась небольшая круглая задвижка, и оттуда выехала металлическая колба размером с небольшой стаканчик. Круглов выхватил колбу из креплений и со щелчком повернул крышку. В рубке мгновенно распространился запах — приторно-сладкий, густой, совершенно не похожий на запах земной нефти, не похожий вообще ни на что, и даже на запах тех марсианских образцов, которые Новикову до этого довелось видеть. Запах вроде бы не был

неприятным, но отчего-то Артем почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Усилием воли он подавил рвотный позыв. Елена ойкнула.

— Что это за дрянь? — прошипел Гоша, прикрывая нос рукавом.

Круглов мрачно защелкнул крышку колбы и поставил ее обратно в приемник анализатора.

— Респираторы, — приказал он негромко. Подчиняясь сенсорной команде, из шейного ободка скафандра у каждого человека в рубке выскользнул и развернулся с тихим треском мембранный респиратор, плотно облепив нижнюю половину лица.

— Вентиляцию на максимум.

За круглыми решетками звонко заныли вентиляторы вытяжки, унося отвратительный запах прочь из рубки.

— Анализ завершен, — вновь ожил «Гефест». — Точный состав идентифицировать не удастся. Вещество не соответствует ни одному известному образцу земной или лунной углеводородной формации. Внимание! Обнаружена слабая радиоактивность.

— Это оно, ребята... — прошептала Елена, и ее голос задрожал, но не от страха, а от возбуждения ученого, стоящего на пороге величайшего открытия. — Вот же оно! Я была права, Семен Борисович! Я же вам говорила! Все подтверждается, это не просто аномалия. Это же может оказаться той самой «жизнью», о которой говорил Юрковский... Она действительно живая. Посмотрите на акустические субдиапазонные графики!

— Ковальчук! Увлекаешься чересчур! — Главный повысил голос, и девушка обескураженно отшатнулась от него.

Артем и Гоша замерли, глядя на мониторы. Круглов, напряженно ссутулившись, перебирал сенсорные датчики, смахивал ненужные экраны, делая это с невероятной быстротой. Шкипер стоял в углу неподвижно как статуя, с полуприкрытыми глазами. А датчики безостановочно транслировали акустический сигнал, исходящий из полости. Он пульсировал с частотой около семи герц — той самой, которая, как говорят биологи, является резонансной частотой человеческого тела. И пульсация эта была не хаотичной, а ритмичной, почти музыкальной.

— Оно поет, — сказал Горелов, и в его голосе смешались ужас и восхищение. — Товарищи, черт возьми, да оно же поет!

Елена, немного успокоившись, не отрывала взгляда от графика, который выводил на экран сложные волны. Пальцы ее, хоть и подрагивающие от волнения, привычно бегали по сенсорной панели, масштабируя, приближая, выделяя отдельные участки. Голографический дисплей тоже пульсировал — в такт непрекращающемуся ритмичному гулу, который шел из глубины.

— Смотрите, — наконец сказала Ковальчук. — Это не просто акустический шум. Это сложный, многокомпонентный сигнал. Я вижу здесь частоты, кратные друг другу. Своего рода составной музыкальный аккорд, разложенный на составляющие. Но он не меняется, а застыл, как кристаллическая решетка. Просто поверьте человеку с абсолютным слухом и музыкалкой в биографии.

Она повернулась к Новикову, и он увидел в серых глазах восторг и тревогу.

— А теперь смотрите на это, — девушка мгновенным движением переключила режим, и на экране вместо волн появилась карта тепловых полей. — Температура в центре пульсации на полтора градуса выше, чем по краям! Это не просто тепло от химической реакции.

— Стоп! Я понял! Это похоже на то, как если бы миллиарды микроскопических процессов одновременно вычисляли что-то! — выпалил Горелов.

— Да. Похоже, — Елена замолчала, и в рубке повисла звенящая тишина. — И что же происходит? Оно думает? Или... нас слушает?

Шкипер, стоявший у стены, медленно выпрямился, открыл глаза, и его рука сама собой легла на рукоять аварийного пистолета. Круглов, до этого сидевший неподвижно, нахмурился

и, не говоря ни слова, подошел к главному пульту, вводя команды повышенной готовности в систему безопасности. В наступившей тишине слышно было лишь, как Гоша нервно сглатывает.

4

Главный принял решение быстро, но обдуманно. За минуту он взвесил все «за» и «против», глядя на затихающее устье скважины, из которого уже не вытекала черная жидкость. Глубинные датчики по-прежнему передавали вибрирующий ритмичный гул.

Сказал медленно, крепко вбивая слово за словом:

— Пошлем зонд.

— Который? — подняв брови, переспросил Новиков.

— У нас их не вагон, Артем. Пошлем «Окунь-2», с обвеской высшей защиты. Не знаю как вы, а я хочу увидеть, что там, внизу. Горелов, на тебе аппаратная проверка, все системы, все железо. Жилин, настрой каналы связи и держи их открытыми. Новиков, Ковальчук — следите за данными в четыре глаза, не отрываясь! Если увидите что-то подозрительное — докладывайте немедленно.

«Окунь-2» был компактным автономным зондом, похожим на бронированного червя, тело которого состояло из множества металлических сегментов и могло менять форму. Он был оснащен мощным фонарем, сонарами разной частоты, позволяющими строить картинку окружающей породы, фрезерным манипулятором с пробоотборниками и набором датчиков, способных работать в самых агрессивных средах. Подготовка к спуску этого механического монстра в скважину заняла около часа — «Гефест» неустанно контролировал скорость, чтобы не спровоцировать повторный выброс. За этот час Круглов исходил все тесное пространство рубки вдоль и поперек, намотав, наверно, не меньше нескольких километров. Все остальные, не занятые подготовкой зонда, буквально изнывали от нетерпения, но дисциплинированно выполняли свои обязанности.

Через час у главного пульта собрались все, кто был на буровой в этот момент: Артем, Елена, Гоша, Шкипер, Круглов и подъехавший по вызову Главного на втором марсоходе Топаз. Они молча смотрели на голографический экран, куда транслировалось изображение с камер зонда.

Сначала на экране был только темный, залитый черными потеками ствол скважины, подсвеченный прожектором «Окуня». Потом свет погас — искин счел более целесообразным использовать сонарную графику. Ее холодная картинка развернулась перед людьми. «Окунь-2» скользил вниз, ствол тянулся с унылым однообразием.

Как вдруг...

Ствол исчез — зонд буквально провалился в огромное пустое пространство, размеры которого сонарный дальномер оценил как сто восемьдесят семь метров в поперечнике. Автоматика оказалась быстрее реакции человека — никто в рубке и дернуться не успел, как сработали зацепы «Окуня», который повис на краю пробитой дыры.

— А где нефть? — растерянно спросил Гоша.

Ему никто не ответил.

Тут же снова вспыхнул ксеноновый фонарь, на полной мощности заливая пространство впереди ярким холодным светом. И тогда люди в рубке увидели то, что заставило Круглова медленно нахалить рукой спинку кресла и опуститься в него с коротким выдохом.

Стены глубинной пещеры не были созданы природой, в этом не было никаких сомнений. Они были сложены из гигантских шестигранных плит, напоминавших пчелиные соты. Вот только «соты» эти были не из камня, а из какого-то матового, тускло поблескивающего материала, похожего на застывшую ртуть или какую-то пленку. На поверхности плит слабо

проступал сложный, очень детальный узор — спирали, переходящие в ломаные линии, которые, в свою очередь, ветвились и соединялись под невозможными углами, образуя, как показалось Артему, подобие гигантской печатной платы или, скорее, схемы кровеносной системы неведомого организма. Ощущение полнейшей чужеродности усиливалось тем, что в центре каждой «соты», словно желток в яйце, покоилось «гнездо» — сфера диаметром около трех метров из полупрозрачного, янтарного вещества, внутри которого медленно, как густая кровь, пульсировала черная маслянистая жидкость. От каждого «гнезда» отходил толстый блестящий жгут, похожий на пуповину, свитую из множества трубок, и уходил вглубь стены, соединяясь там с другими такими же жгутами в единую, невообразимо сложную сеть.

— Ох ты мать честная! — выдохнул Топаз. Обычно грубый и громкий, его голос прозвучал почти шепотом. — Я не сплю, нет? Что за... Все же это видят, правда? Похоже на какой-то улей... Братцы, я всякое видал, я пять лет Марс топчу, но такого...

— Нет, это не улей, — тихо, но твердо сказала Елена, не отрывая взгляда от экрана. Странно, но сейчас, когда произошло ошеломительное, невероятное открытие, она, все это время нервничавшая, вдруг успокоилась. — Я бы сказала, что это завод. Или, если угодно, ферма, а может быть, хранилище. Я могу ошибаться, но посмотрите на структуру, товарищи. Эргономика пусть и нечеловеческая, но на высоте, это совершенно очевидно. Шестигранные соты — это же максимально эффективная форма для размещения максимального объема при минимальных затратах материала.

— А узоры на этих плитах? — спросил Новиков.

— Это не просто орнамент...

— Да, похоже, это какие-то микроканалы, — пробормотал Гоша. — «Гефест», приблизить участок структуры в квадрате пять-три! — приказал он, и ткнул пальцем в увеличившееся изображение.

— Видите слабое свечение? По ним циркулирует какая-то жидкость. «Соты» эту штуку хранят или вырабатывают? Если да, то черная жидкость внутри — продукт их работы.

— Или это та самая нефть, которую мы ищем, — голос Круглова, твердый и уверенный, разрезал нависшую тишину.

— Но как же... Ведь в других местах марсианская нефть выглядит совершенно иначе! — удивился Новиков.

— В других? — Главный иронически покосился на него, не прекращая сортировать виртуальные диаграммы. — И сколько их, других? Да, несколько промыслов, но участки Марса, интересующие нас, все в одном регионе, хоть и разные. Но статистики пока что маловато, это точно...

— Несколько... — Артем почувствовал, что краснеет, и разозлился на себя за то, что голос дрогнул, как у школьника, которого вызвали к доске. — В других местах она все-таки идет из-под земли как обычно. Ладно, пусть нефть. Тогда... кто мог построить такое? — спросил он, стараясь перевести разговор на другую тему и проклиная себя за то, что мысли шевелятся слишком медленно. — И когда?

— Возраст породы над этой полостью, — Елена сверилась с данными на планшете, — не менее двух миллиардов лет. Двух миллиардов, Артем. Первые многоклеточные организмы на Земле появились примерно тогда же. А здесь уже была цивилизация, способная создавать такие сооружения. Они опередили нас на целую геологическую эпоху.

— Не факт, — рассудительно сказал Топаз. — Вырубить полость могли значительно позже. Допустим, зашли наклонной проходкой, а не сверху...

Елена недовольно фыркнула, но тут же со вздохом кивнула, признавая его правоту.

— Ха, да они, кем бы ни были эти самые «они» — не просто строили! — подал голос Гоша, который все это время лихорадочно анализировал данные телеметрии, гоня «Гефест» в эксперт-режиме максимальной мощности. — Посмотрите на температурное поле! «Соты»

теплее окружающей породы на пятнадцать градусов. Это экзотермическая реакция. Они работают на всю катушку! Может быть, не два миллиарда лет, но уже очень много времени эта штука до сих пор функционирует!

Шкипер, молчавший все это время, вдруг заговорил, и его слова заставили всех задуматься:

— Если оно работает, значит, где-то есть источник энергии. А если завод — тогда должно быть сырье. Что оно перерабатывает? Какой продукт на выходе? И, главное, — он обернулся к Круглову, — как бы узнать, оно разумно или нет? Оно нас заметило?

Начальник экспедиции не ответил. Он смотрел на экран, и на его лице, обычно непроницаемом, читалась напряженная работа мысли. Потом он медленно произнес:

— «Гефест», режим «Цитадель». Код допуска: два-тринадцать-омега-север-семь.

— Код доступа принят. Режим «Цитадель» активирован, — безжизненный голос искина ударил по натянутым нервам людей. Снаружи, по всему периметру буровой, шевельнулись турели, косо срезанные дула крупнокалиберных стволов описали «восьмерку» и вернулись в исходное положение. Боевая автоматика выполнила калибровку и перешла в режим «свой-чужой».

— Горелов, запусти пробоотборник, — жестко приказал Круглов. — Только аккуратно, медленно. Самый малый ход. Ковальчук, приготовься фиксировать все параметры. Я на параллельном контроле.

Подчиняясь командам оператора, «Окунь-2» выдвинул манипулятор с высокопрочным игольчатым буром и начал медленно приближаться к ближайшей «соте». В рубке повисла такая тишина, что, казалось, было слышно, как стучат человеческие сердца. Артем затаил дыхание. Он чувствовал, как кровь шумит в висках, и усилием воли заставил себя дышать медленно и ровно.

Бур мягко, почти нежно коснулся полупрозрачной оболочки «соты».

5

В первое мгновение ничего не произошло. А потом шестигранная плита дрогнула. Это было едва заметное движение, короткая рябь, но его оказалось достаточно, чтобы по всему залу прокатилась волна — не звуковая, а какая-то иная, воспринимаемая не ушами, а всем телом. Низкий, вибрирующий гул, от которого завибрировали стены рубки, пульта, кресла и, казалось, сами кости сидящих в ней людей. Артем почувствовал, как его сердце на мгновение сбилось с ритма, а потом мучительно забилось в унисон с этой чужой, нечеловеческой пульсацией.

— Частота четыре герца, инфразвук, — прохрипел Гоша, вцепившись в подлокотники. — Резонансная частота тела. Оно нас сканирует!

Из «соты», от места прокола, вглубь стены ушел мощный световой импульс — настолько сильный, что датчики «Окуня» на мгновение ослепли. Светофильтры успели среагировать, но люди все равно зажмурились, точно от взрыва люмен-гранаты. Этого не могло быть, но каким-то невероятным образом свет из-под земли пробился в рубку. Когда изображение на сетчатке глаза восстановилось, они увидели на экранах, что вся пещера преобразилась. Узоры на плитах, те самые «микроканалы», как их окрестил Горелов, начали светиться — сначала тускло, потом все ярче, наливаясь холодным, голубоватым сиянием. Свечение распространялось по узорным спиральям орнамента от потревоженной «соты» во все стороны, словно круги по воде, зажигая одно шестигранное гнездо за другим, и вскоре весь зал был охвачен этой призрачной, мертвенной иллюминацией. Казалось, что проснулся гигантский организм, который спал два миллиарда лет и теперь медленно, нехотя возвращался к жизни.

А потом от каждой «соты» начали отделяться мелкие, светящиеся точки, похожие на рой бесчисленных светлячков. Они поднимались в воздух, кружились вокруг зонда, облепляли

его корпус, проникали в сочленения манипулятора. «Окунь» начал терять связь — сначала пропало изображение с оптической камеры, потом отказал один из датчиков, за ним другой. Отказы пошли лавинообразно. Изображение на экранах зарябило, распадаясь на квадратики.

— Оно защищается! — Голос Елены зазвенел тревогой и одновременно — благоговейным восторгом ученого, наблюдающего нечто невероятное. — Это не разумное поведение в нашем понимании. Это как...

— Иммунная система? — быстро предположил Горелов.

— Да! Так же лейкоциты атакуют чужеродное тело. Мы вторглись в этот... комплекс, или организм, и он пытается нас нейтрализовать. Удалить чужеродный объект.

— Недостаточно данных, — холодно возразил Шкипер. — Это может быть что угодно. Вирус? Лавинообразно распространяющаяся инфекция?

— Но кто его создал? — повторил Артем вопрос, который мучил его с самого начала. — Зачем? Как хотите, а я не верю, что это просто хранилище. Посмотрите на масштаб! Такие сооружения не строят просто для производства топлива.

— Или строят, если это топливо, допустим — основа всей их цивилизации, — пожал плечами Гоша.

— Ерунда!

— А есть аргументы получше, чем просто «ерунда»? — ошетинился Горелов. Новиков вздохнул и почесал затылок. Ответить было нечего.

— Может, конечно, это всего лишь узел, — неожиданно сказал Шкипер. Все повернулись к нему. — Вот вы говорите «организм», «иммунная система». Может, так и есть, может, никакие разумные марсиане вообще не строили это, не имеют к этому отношение. А может, они и есть «это». А что? Почему коллективный разум не может быть распределен по таким вот «сотам», которые раскиданы по всей планете. Мы-то случайно вскрыли только одно, а сколько их всего? Или, как вариант — вот это самое, на что мы смотрим, ваших драгоценных марсиан помножило на ноль. Всю цивилизацию. Потом законсервировалось на целую — как ты сказала, Лен? — геологическую эпоху. А мы с вами только что ткнули его иголкой.

В рубке повисла тяжелая, давящая тишина. От слов Шкипера повеяло мертвящим холодом.

— Стоп, — резко сказал Круглов. — Отставить вибрировать! Хватит гадать на кофейной гуще. У нас аварийная ситуация. Зонд теряет связь, скважина ведет себя непредсказуемо. Новиков, вытаскивай «Окуня»! Сварачиваемся. Все данные — на резервный накопитель.

— Так точно, — невольно выпрямившись, Артем едва не встал по стойке «смирно» — настолько интонации Главного напомнили ему голос сержанта в армейском лагере. — «Гефест», действуй по протоколу извлечения!

— Принято, — невозмутимо отозвался искин.

Круглов подошел к пульту.

— «Гефест», — скомандовал он, — скопировать все данные телеметрии, видео с зонда и логи систем на резервный носитель. Приоритет — максимальный.

— Выполняю, — ответил ИИ. — Копирование завершено. Носитель готов к извлечению.

Главный открыл сбоку пульта небольшую панель с надписью «Аварийное сохранение» и вытащил из разъема небольшой цилиндрический предмет — накопитель информации, способный хранить петабайты данных и выдерживать экстремальные температуры, радиацию и механические воздействия. Такие накопители называли «вечными», и они, созданные из особого вида синтетически выращенного кристалла, действительно могли сохранять информацию практически неограниченное время. Круглов спрятал цилиндр в нагрудный карман комбинезона, тщательно застегнул кнопки и обвел взглядом собравшихся.

— Эвакуация по обычному протоколу. Шкипер — за руль «Быка». Новиков, Ковальчук, Горелов — за ним. Топаз — выходишь последним, я еду с тобой на втором марсоходе. «Гефест»! По извлечению зонда готовь скважину к закрытию по команде. Автоматику перевести в режим слежения. Выполнять.

— Начиная последовательность операций, — ответил голос искина.

6

Эвакуация прошла как обычно — точно так же, как на бесчисленных тренировках, которые Круглов устраивал на «Витязе» и на базе. Люди действовали быстро, но без суеты, каждый знал свой маневр. Артем помог Елене собрать ее планшеты, Гоша отключил каналы связи, Шкипер уже запускал двигатель «Быка». Перед входом в шлюз каждый проверил герметичность скафандра своего соседа и подтвердил показания манометра. Через десять минут после команды Круглова два марсохода уже мчались по красной пустыне обратно к базе «Королев».

Внутри «Быка», где ехал Новиков, все молчали. Каждый переваривал увиденное, пытаясь уложить в голове то, что не укладывалось ни в какие рамки привычного опыта. Артем сидел рядом с Еленой, они то и дело плечами касались друг друга, и это было приятно. Несколько раз Новиков поглядывал вбок, видя за стеклом шлема сосредоточенное лицо девушки, но от попыток завести разговор благоразумно воздерживался. Придет еще время вопросов и ответов...

Позади, в быстро сгущающихся сумерках марсианского вечера, осталась буровая «Кольская-М». Вышка еще некоторое время чернела на фоне вечернего неба, но вскоре скрылась за барханами. В рубке управления, теперь пустой и темной, мерцали только режимные индикаторы. Локальные модули «Гефеста» были переведены в спящий режим, все системы заглушены. Скважина Р-17 была запечатана аварийным цементированием — дистанционно, по команде с «Быка».

Но там, внизу, на глубине четырех тысяч ста метров, в огромной пещере, сложенной из шестигранных сот, продолжала теплиться непонятная не-жизнь. «Соты» пульсировали в своем обычном — обычном ли? — непостижимом ритме, черная жидкость медленно перетекала по каналам, а рой светящихся частиц, уничтоживший зонд, медленно оседал на пол пещеры, тускнея и словно успокаиваясь после тревоги. Сота, в которую вонзилась игла пробоотборника, уже затянула небольшое отверстие, и теперь ничто не указывало на то, что сюда вторгались чужаки.

Марс всегда умел ждать. Он ждал, пока на соседней планете зародится разумная жизнь, пока она выйдет в космос, пока доберется до его красных пустынь. И даже теперь, когда это наконец случилось, Марс не спешил раскрывать все свои секреты сразу. Он лишь чуть-чуть приоткрыл завесу, показал край бездны — ровно столько, чтобы те, кто пришел, поняли: они здесь не одни. И никогда не были одни.

«Бык» скрылся вдалеке, и над равниной снова повисла тишина. Только ветер, слабый и разреженный, гнал по песку мелкую черную пыль, заматавая следы колес. Где-то глубоко под этой пылью, под слоями базальта и реголита, билось сердце древнего Марса. Медленно. Терпеливо. Неостановимо.

ГЛАВА 5. ТЕНИ ПРОШЛОГО

«В Университете геологии, нефти и газа прошла ежегодная церемония вручения дипломов. Среди выпускников — десятки будущих специалистов по бурению в экстремальных условиях. В этом году рекордное количество выпускников (сорок три человека) подали заявки на участие в марсианской программе. „Марс стал новой точкой притяжения для молодежи“, — отметил ректор университета»

(«Вечерний Новосибирск», 2 июня 2150 года)

1

Артем лежал в своей каюте и смотрел в потолок. Сна не было ни в одном глазу, хотя после возвращения с буровой прошло уже больше трех часов, и организм, измотанный долгой сменной, стрессом от вскрытия пещеры и бешеным приливом адреналина, требовал покоя. После возвращения Круглов, не слушая никаких возмущенных возражений, разогнал весь состав вахты по каютам, приказав отдыхать и строго-настрого запретив «шляться по коридорам и устраивать митинги».

Но мозг категорически отказывался отключаться даже после капсулы сомницина. Перед глазами у Новикова все еще стояла та самая картинка с экрана: гигантский подземный зал, сложенный из шестигранных сот, пульсирующие гнезда с черной маслянистой жидкостью, голубоватое свечение, расползающееся по стенам, словно круги по воде, и рой светящихся частиц, атакующих зонд. И главное — тот низкий, вибрирующий гул, от которого завибрировали кости и сердце сбилось с ритма, подстраиваясь под чужую, нечеловеческую пульсацию. Артем снова и снова прокручивал в голове этот момент, пытаясь найти хоть какое-то рациональное объяснение, но разум упирался в глухую стену. Слишком чуждым, слишком древним и непостижимым было то, с чем они столкнулись.

Он повернулся на бок и сделал то, что уже вошло в ежевечернюю привычку — посмотрел на фотографию прапрадеда, стоящую на откидном столике. Оттуда победно улыбался Ефим Петрович Новиков, буровой мастер, один из тех, кто в составе партии Фармана Салманова открыл большую нефть Западной Сибири. Сейчас он смотрел на своего далекого, сбитого с толку потомка со старого, отреставрированного снимка. Черно-белое изображение, сделанное в марте 1961 года, запечатлело событие, о котором Артему раз сто рассказывал отец: день, когда первая скважина на Мегионском месторождении дала фонтан, и вот — прапрадед, уставший, грязный, но счастливый, стоит по щиколотку в нефти и улыбается, придерживая рукой шапку, которую сбивает ветер.

Артем с детства знал эту историю наизусть, но сейчас, глядя на фотографию, он вдруг подумал о том, что прадед, наверное, тоже когда-то лежал без сна в вагончике посреди бескрайних болот Западной Сибири и думал о том, что скрывается там, в глубине, под слоями породы. Что он чувствовал, когда бур впервые достиг нефтяного пласта, когда фонтан выстрелил в небо, обдавая буровиков маслянистыми брызгами? Восторг? Ощущение, что он прикоснулся к чему-то огромному и древнему? Может быть и то, и другое. Но, скорее всего, просто чувство удовлетворения от хорошо выполненной работы — вряд ли предок, который прошел тяжелую, страшную войну и остался жив, был восторженным мечтателем. Зато сейчас, спустя почти полтора столетия, его праправнук испытывал восторг и ощущение прикосновения к невероятной тайне — только уже не на Земле, а на другой планете, в двухстах миллионах километров от дома.

Мысленно Артем невольно перенесся в прошлое, прочь от марсианской базы, от ржаво-коричневой пустыни за иллюминатором, от тревог и забот сегодняшнего дня. Он закрыл глаза и стал вспоминать.

2

Детство Артема прошло в огромном сибирском мегаполисе. Новосибирск, раскинувшийся по обоим берегам Оби, был, как и Томск, научным центром, вобравшим в себя десятки лучших вузов России. Вырос Артем в Академгородке, в одном из домов на проспекте Лаврентьева, но уже с восьмого класса каждое лето, с мая по сентябрь, отец брал его с собой на вахту.

Отец, Игорь Новиков, был потомственным нефтяником, который без малейшего колебания продолжил семейную традицию — добывать нефть — и ждал того же от сына. Он работал буровым мастером на Ново-Мессояхском месторождении — одном из крупнейших в арктической зоне России. Даже по сибирским меркам это было суровое место: бескрайняя тундра, пронизывающий ветер, зимой — морозы под минус пятьдесят, летом — тучи гнуса и болота, в которых были проложены сегменты быстросборных дорог. Не каждый здесь выдерживал. Но именно там, среди вышек, трубопроводов и промасленных комбинезонов, Артем впервые понял, кем хочет стать. Не было никакого спора «отцов и детей» — Север просто властно забрал свое.

Ему было четырнадцать, когда отец впервые взял его на буровую. К тому времени Артем, как и многие мальчишки его возраста, бредил космосом — хотел водить космолеты, открывать новые планеты, и, само собой, лететь туда, куда еще не ступала нога человека. Он зачитывался старыми романами Стругацких и Беляева, смотрел документальные фильмы о первых марсианских экспедициях и увесил весь потолок своей комнаты сборными моделями балкеров, крейсеров и рейдеров из пластикового конструктора. Но все изменилось в тот день, когда отец — широкоплечий, бородатый, здоровенный как вставший на задние лапы медведь — собираясь на очередную вахту, сказал ему, только что отгулявшему первый день каникул: «Доставай рюкзак, Темка, парень ты совсем взрослый. Покажу тебе, где и как мы добываем нефть. Нашу, настоящую, сибирскую».

Дорога до месторождения заняла почти сутки — сначала самолетом до Нового Уренгоя, потом вертолетным «бортом» над бескрайней тундрой, расцвеченной всеми оттенками зеленого, коричневого и синего. Ровно так же сто лет назад добирались сюда буровые бригады, ничего не изменилось. Как и тогда, Сибирь снисходительно терпела людей. Было самое начало лета, и Артем, прильнувший к иллюминатору, с восторгом смотрел на проплывавшие внизу озера, реки, болота и редкие вкрапления человеческого жилья — крошечные поселки, дороги, нитки трубопроводов и энерголиний. А потом показалась буровая. Это был не ажурный силуэт вышки, который Артем видел на старых фотографиях и видеовставках в учебниках истории. Огромный, многоярусный комплекс, захвативший километры тундры вокруг. Повсюду громоздились цистерны, насосные станции, жилые модули для вахтовиков, склады оборудования. Все это хозяйство было опутано сетью труб, кабелей и переходов, и над этим великолепием витал низкий, вибрирующий гул работающих механизмов — звук, который Артем запомнил на всю жизнь.

Отец провел его по всей буровой, показывая и объясняя каждую деталь. Он говорил спокойно, отвлекаясь на то, чтобы коротко поздороваться со встречаемыми, но в его голосе слышалась гордость мастера, знающего свое дело до мельчайших нюансов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.